

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

32

МЮНХЕН 1984

СОДЕРЖАНИЕ

Христос воскрес!	1
<i>В. Рудинский.</i> Под угрозой	2
<i>И. Бушман.</i> Мы в 1984-ом	3
<i>В. Кобылин.</i> Значение предстоящих выборов в США	11
<i>В. Пирожкова.</i> Проблема военнопленных в Афганистане	14
<i>Протоиерей Д. Константинов.</i> Русская православная церковь в СССР в первой половине восьмидесятых годов (1980 – 1984)	19
<i>В. Пирожкова.</i> По поводу одной книги	31
<i>Р. Гуардини.</i> Смерть Иисуса	41
<i>Зарубежник.</i> Песня свободы	47
Письма в редакцию	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 32

Март 1984

Мюнхен

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Всех наших сотрудников, читателей и друзей поздравляем со светлым праздником Пасхи!

Великий праздник Воскресения Христова, самый светлый и радостный после того страшного, что произошло с Сыном Божиим, — это преодоление смерти, победа над смертью в самых глубинах бытия. “Смерть, где твое жало?” — спрашивает Иоанн Златоуст. Нет этого жала. Смерть преодолена. В воскресении Иисуса Христа заложено будущее воскресение нас всех.

Но задумывались ли мы когда-нибудь о том, что это величайшее событие произошло в тиши, так же, как и рождение Бога в мир. Тогдашняя широкая общественность прошла мимо того, что являлось не то что самым важным, — такое определение лежало бы еще в рамках мира, — но то, что преодолело мир. И свершилось это, как мы сказали, в тиши, прошло почти незамеченным.

Воскресший Иисус Христос явился Марии Магдалине, Он явился двум ученикам, шедшим в Эммаус, являлся Он и группе учеников, но являлся воскресший Христос только Своим последователям, Своим друзьям, небольшому количеству людей. Отчего не всем? Отчего не народной толпе?

Ведь смерть Его была происшествием, ставшим известным все же многим, если не во всей стране, то, по меньшей мере, в Иерусалиме. Его торжественный въезд в Иерусалим был замечен массами, тогда еще радостно встречавшими Его. Его распятие тоже. Переменчивая чернь теперь издевалась над Ним и кричала Ему: сойди с креста и уверуем в Тебя. Но Он не сошел с креста. Отчего?

Прежде всего мы должны сказать принципиально, что решение Божие — это Его суверенное решение, и мы, люди, не сможем никогда до конца понять, отчего Господь решил именно так, а не иначе. Но нам дан Господом разум, и мы можем думать и предполагать, подходя с той или иной степенью приближения к правильному ответу. И не приходится много гадать и думать, чтобы приблизиться к ответу

на вопрос, отчего Иисус Христос не сошел с креста перед глазами толпы. Он и в пустыне отверг искушения дьявола, предлагавшего Ему броситься с крыла храма.

Если б Иисус Христос сошел с креста на глазах всего народа, то те, которые видели это, были бы поражены ужасом. Они преклонились бы, но преклонились бы перед силой, перед мощью. Их сознание было бы потрясено, подчинено мощи совершившегося. Но была ли бы это настоящая вера? Бог хочет от нас свободной веры, а не “веры” в результате покорения ума и духа мощью явного чуда.

Бог ждет от нас свободной веры и свободной любви. Он не хочет подавить наше воображение чудом и вызвать вынужденную веру. Иисус Христос во время Своей жизни на земле творил чудеса не для того, чтобы вызвать у людей веру, наоборот, Его чудеса были ответом на уже имеющуюся веру человека. “По вере твоей да будет тебе” — вот форма сотворения чуда.

Господь не насилует человека ничем, даже открытым чудом. Человек должен прийти к Нему свободно и по доброй воле, а тогда откроются двери для всякого чуда. И прежде всего сама вера и познание Бога — такое чудо.

А открытое материальное чудо, даже если оно и подавит на какое-то время воображение толпы, может ли оно дать чистую веру? Умершему богачу, который просит разрешить ему прийти на землю и предупредить своих братьев, дается ответ, что у них есть Моисей и пророки, а если им не верят, не поверят и если кто из мертвых придет к ним. Кто не хочет верить, тот не поверит, какое бы чудо ни совершалось на его глазах.

Английский писатель Брус Маршал попробовал описать в своей книге “Чудо Малахии”, как реагируют люди даже на явное чудо. По соизволению Божию священнику Малахии было дано совершить явное чудо: чудесным образом перенести некий “веселый” дом, возмущавший многих, на одинокую скалу в море. Материальное чудо совершилось на глазах у всех, и тем не менее большинство старалось

выдумать для совершившегося какое-нибудь "естественное" объяснение. Многие готовы были скорее поверить в необыкновенный трюк, чем в чудо. Нашлись и такие, которые захотели нажиться на необыкновенном событии. Кинорежиссеры предлагали испуганному шумихой священнику большие деньги, если он посвятит их в его "трюк". Думавший сначала, что явное материальное чудо обратит или хотя бы заставит задуматься многих, священник увидел, что тот, кто не хочет уверовать, тот не уверует и при виде явного материального чуда. Не внешние явления приводят к вере, а открытые душа и сердце. Тогда человек слышит тихий голос Бога и следует ему.

Иисус Христос воскрес не перед толпой насмешливой, злобной или равнодушной. Он воскрес и явился только тем, кто веровал в Него, тем, кто любил Его. Он явился, правда, и одному сомневавшемуся, но все же из числа Его учеников, ап. Фома. И как раз ему Иисус Христос сказал: "Ты поверил, потому что увидел Меня, блаженны невидевшие и уверовавшие" (Ио. 20, 29).

В виде исключения может быть показано наглядно, что свершилось воскресение, пока-

заны раны от гвоздей и от копья, но, повторяем, все же только готовому уверовать. Блаженны же невидевшие и уверовавшие. Те, кто уверовал по слову апостолов и потому, что иначе и не могло быть: Сын Божий взял Свое земное тело в преображенном виде в вечность.

И это залог и нашего воскресения, без которого все напрасно. Напрасны были бы все старания, все усовершенствования, все улучшения человеческого общества, если б они и были возможны. Для чего это было бы нужно, если смерть все равно все навек бы погубила? Каждая человеческая личность — ценность в себе. Ни одна человеческая личность не может служить компостом для удобрения счастливого общества будущего, — если такое когда-нибудь настанет, в чем мы очень сомневаемся. Справедливость должна быть восстановлена по отношению к каждой отдельной личности, и в воскресении — залог восстановления этой справедливости и жизни вечной для тех, кто услышал тихий, никого не насилующий и не принуждающий голос Божий.

Христос воскрес из мертвых, и ангелы поют на небесах!

Редакция.

Владимир РУДИНСКИЙ

ПОД УГРОЗОЙ

В прошлом номере нашего журнала рассказывалось о серии убийств югославских эмигрантов в Западной Германии. И вот — точно нарочно в подтверждение! — во Франции болгарские чекисты подло убили журналиста Красимира Пеева. Его вина перед коммунистами понятна: он был человек высоко культурный, с литературным талантом и прекрасный организатор. На устраиваемые им в русском православном соборе в Париже панихиды по всем жертвам красного террора в Болгарии его соотечественники стекались толпой, с его авторитетом считались. Созданное им издательство выпускало тем временем, по-болгарски и по-английски, антикоммунистическую литературу, бившую прямо в цель... Молодой и смелый, он относился с презрением к делавшимся ему не раз со стороны просоветских элементов угрозам, — и вот, злодеи проникли в декабре 1983 г. в небольшой домик в Малахове, предместьи Парижа, где он жил, и после страшных издевательств удавили его и повесили; тело было обнаружено только несколько дней спустя.

Не может быть сомнений в том, чьих рук это дело. *Is fecit cui prodest*, гласит латинская мудрость. А кому же его гибель являлась нужной, кроме коммунистов, болгарских и интернациональных?

Искать виновных? Но всем ясно, куда тянутся нити... А международные неприятности ни одному западному государству не нужны. Можно сказать с уверенностью, что дело будет притушено.

Хочется сказать эмиграциям из всех подпавших под проклятую коммунистическую тиранию стран, будь то русские, поляки, чехи, сербы, румыны, китайцы, вьетнамцы или кубинцы:

сейчас под ударом находятся наши болгарские (и югославские) братья. Их чекисты развивают особую активность (чему пример убийство писателя Георгия Маркова через **болгарский зонтик** и ряд других). Но ведь это — проба! Так же, как в иностранной политике большевики сначала прощупывают штыком, а если видят, что нет сопротивления, нажимают.

Если станет явным, что сами эмигранты запуганы и бессильны, а иностранные правительства, предоставляя им убежище, не сильно за них заступаются, — град убийств обрушится на нас без исключения какой-либо национальности!

Будут планомерно уничтожать в нашей среде всех выдающихся, способных к активной борьбе, обезглавливая серую массу. Но пусть люди не думают спастись бездейтельностью и безобидностью: потом пойдет давление и на

них, в форме агитации за возврат на родину, — и ликвидации тех, кто уклоняется.

Мы покинули свои страны, чтобы жить свободными и чтобы бороться за свободу для родины. Но мировой коммунизм хочет, чтобы мы оставались рабами и за рубежом! Вот он показывает к общему сведению, как он может казнить своих противников в Москве, Софии или Белграде, — так же рукою убийц и в Мюнхене, Лондоне или Париже!

Сегодня сербы, хорваты, болгары, — кто завтра? Албанцы, румыны, вьетнамцы? Что до нас, русских, мы то помним, сколько жертв из наших рядов вырвано похищениями, отравлениями, завуалированными или прямыми убийствами!

Ирина БУШМАН

МЫ В 1984-ом

Предсказания и пророчество

Во второй половине прошлого года заголовки многих газет и журналов запестрели вопросами: переживем ли мы оруэлловский год? Какие катастрофы ждут нас в оруэлловском году? Принесет ли оруэлловский год атомную войну? Исчерпывающего ответа на такие вопросы никто дать не может, но человек, мало-мальски внимательно прочитавший столь же полезную, сколько неприятную "антиутопию" Оруэлла, реагирует на них, в свою очередь, вопросами: могло ли содержание книги так легко провалиться в "дыру памяти" (memory hole), оставив по себе в головах читателей только полное искажение? Возможно ли, что некоторые из авторов только видели когда-то старый английский фильм, в котором сюжет "1984" был обработан весьма вольно и который почему-то заканчивался пулеметной очередью (может быть, попавшей в него из другой антиутопии)?

Уже само понятие "оруэлловский год" требует оговорок — начиная свой дневник с даты "4-ое апр. 1984 г.", герой романа Уинстон Смит сам ставит ее под сомнение: "...Прежде всего, он не мог сказать определенно (разрядка в оригинале), что сейчас идет 1984-ый год. Возможно, так и есть: он был более или менее уверен, что ему 39 лет и что он родился в 1944-ом или 1945-ом году, но вообще в теперешние времена нельзя установить какую-либо дату, не рискуя ошибиться на год или два..."¹.

Тем более нет никаких оснований связывать имя Джорджа Оруэлла с предсказанием конца света (или чего-либо подобного "в миниатюре"). В вопросе атомной войны Оруэлл был тем, что сегодня принято называть "осторожным оптимистом". В запретной книге Эм-

Объединимся все вместе хотя бы на этот раз, оставив в стороне расхождения по другим вопросам. Возвысим как можно громче наш протест и требование, чтобы энергично, а не формально искали убийцу в данном и во всех подобных случаях!

Возвысим мы наш голос так, чтобы его нельзя было заглушить, и он будет нашей лучшей защитой на будущее!

Опасность угрожает **каждому из нас**. Но если мы будем бороться вместе, она не увеличится, а уменьшится. Только не будем молчать: молчанием и разъединением мы сами на себя призываем смерть!

мануила Гольдштейна² рассказывается, что после первого, так сказать, "пробного" применения термоядерного оружия (в 50-х годах!) "...правлящие группы всех стран убедились, что дальнейшие атомные взрывы приведут к полной анархии, а значит, и положат конец их собственной власти. Поэтому, хотя никакого формального соглашения никогда не было подписано и даже не намечалось, бомбы больше не сбрасывались. Продолжая и сейчас производить атомные бомбы, все три сверхдержавы просто отправляют их на склады до решающего момента, который, по их общему мнению, рано или поздно должен наступить. А пока... вопреки тому, что пишется в прессе, ...ужасающие битвы, ...уносившие миллионы жертв, в действительности больше не повторяются..."³.

Для жителей 1984-го война — уже не катастрофа, а привычное неудобство, она перманентна и позиционна, ведется вяло, и дальноточные снаряды, изредка производящие не слишком значительные разрушения (хотя дело не обходится без жертв) в больших городах, даже получают от обитателей насмешливые клички.

Можно ли предположить, что ожидание катастрофы вызвано не столько самим романом, сколько намекающей на него названием брошюры Андрея Амальрика "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?"⁴. Но ведь Амальрик предсказывал падение советской власти и не на 1984-й год (а на один из ему предшествовавших) и не в результате Третьей мировой (читай "атомной") войны, а в итоге процесса одряхления и естественного распада; возможную войну между СССР и Китаем он представлял себе "затяжной и изнурительной"⁵ (т. е. не термоядерной), похожей на войну Океании с Вост-Азией. А в целом книги

Амальрика и Оруэлл тематически мало связаны друг с другом, даже намек на книгу Оруэлл в заглавии брошюры не принадлежал самому Амальрику: он сначала поставил дату "1980", но изменил ее по совету "одного русского друга, большого знатока и поклонника современной английской литературы"⁶, имени которого Амальрик не мог назвать, т. к. тот находился в Советском Союзе.

Не берусь, однако, стопроцентно успокоить читателя: целый ряд предсказаний, действительно, грозят на 1984 г. катастрофами: в кабале цифры-буквы на 5744 от сотворения мира год, кроме даты, составляют слово "ТАШ-МАД", означающее "конец, катастрофа, уничтожение"; знатоки утверждают, что и Nostradamus предсказывает на этот год страшные события, — впрочем, его туманные пророчества, будь то о Наполеоне, Ленине, Сталине или Гитлере, всегда лучше всего истолковывались *post factum*. Оставим в стороне — имя им легион! — добросовестных и недобросовестных астрологов и разнообразнейших гадалщиц и гадалей, иногда (очевидно, с целью показать высокий культурный уровень) тоже поминающих всуе имя писателя.

Джордж Оруэлл, прошедший через жизнь и вошедший в литературу как единственное в своем роде сочетание в одном лице скептика, циника и моралиста, меньше всего занимался историческими прогнозами. Вероятно, если бы Оруэлл дожил до "своего" года и нашел бы весь мир, свою любимо-ненавидимую родину и столь же любимо-ненавидимую им ее столицу именно в том положении и состоянии, какие он изобразил в своем романе, писатель посчитал бы годы, потраченные на создание этой книги, потерянными. По его собственным словам, Оруэлл не собирался изображать картины неминуемого будущего. Исходя из фактов настоящего (в Советском Союзе) и недавнего прошлого (в нацистской Германии) и следуя по пути логического — при наличии определенных конкретных предпосылок — развития, он строил одну из моделей будущего, а именно — худший из возможных, по его представлению, вариантов, тот, которого он больше всего боялся, — не для себя (т.к. был уверен, что не доживет до названного им года), но для соотечественников и со-европейцев — сверстников, младших современников, потомков.

Доказательством тому, что Оруэлл хотел вовсе не предугадать будущее человечества, а предупредить людей против возможной опасности, служат те литературные планы, которые он развивал в беседах с друзьями и с другими литераторами: в своей следующей книге Оруэлл собирался показать способ, которым возможно избежать состояния "1984", — т. е. дать иную модель будущего. Но лихорадочная запойная работа над книгой в 1947—48 гг. по-

дорвала силы тяжело больного писателя. Выход в свет (1949) и огромный успех романа (bestseller) были последней радостью его жизни, для новых планов уже не осталось времени.

Оруэлл умер 21-го января 1950 г., не дожив двух дней до 47-ми лет, и сегодня мы можем только гадать, удалось ли бы ему после "антиутопии" написать утопию. Возможно, что лекарство оказалось бы не здоровей болезнью: ведь изображение положительного давалось Оруэллу так же мало, как Гоголю, с той только разницей, что Гоголь страдал от неспособности изобразить идеальное, в то время как Оруэлл с наслаждением писал книги, которым, по его собственному представлению, суждено было стать предметом не любви, а ненависти читателя.

Оруэлл, так часто повторявший, что он не пророк, в действительности был бесконечно далек от профессиональных предсказателей, которые (из чего бы они ни исходили — из логики, интуиции, оккультизма и т. п.) во что бы то ни стало хотят оказаться безошибочными в своих прогнозах. Но к подлинным пророкам небрежно одевавшийся (власница!), поселившийся вдали от центров культуры и цивилизации — на одном из Гебридских островов (пустыня!) Оруэлл был духовно близок: ведь и библейские пророки не хотели просто предсказывать какое-то неизбежное будущее — они предупреждали, предостерегали людей, но не в приятно-поучительной форме, а грозно, иногда с проклятиями по адресу невнимательных слушателей.

Именно такой голос звучит в "1984".

Евразия contra Океания

Новогодний фейерверк популярной прессы уже угасал на Западе, суеверие XX века уже начало уступать место разнообразным интерпретациям на более высоком уровне, когда в полемику вдруг вмешался Большой Брат.

Сначала, как после выхода в свет (1945) оруэлловской сатиры на компартию и советское правительство "Скотский хутор" (впрочем, в Советском Союзе не пользуются этим русским названием зарубежного перевода Animal farm, а переводят дословно и бессмысленно "ферма животных"), так и четыре года спустя — после появления "1984", адресат расписался в получении. В советской Краткой литературной энциклопедии можно прочесть, что Оруэлл ошибочно отождествлял тоталитарное общество с социалистическим.

В Советском Союзе эти книги до сих пор под запретом: найденные на книжной полке советского гражданина при обыске, они могут послужить причиной получения солидного срока (последний известный случай — латвийский националист Gunnars Astra, приговорен-

ный к 12-ти годам тюремного заключения в декабре 1983 года). Но в последней четверти высокотехнизированного XX века — в эпоху радио и телевидения, при полной невозможности герметически закупорить каналы проникновения в СССР независимой прессы, наконец, при наличии карманного формата западного издания "1984" на русском языке, очевидно, оказалось невозможным обойти "юбилара" молчанием (странным образом, этого умершего 3 1/2 десятилетия тому назад, но по сей день не покойного, а беспокойного и беспокоящего автора не удавалось втиснуть в категорию "нелюдей"). В "оруэлловский" год советское официальное "общественное мнение" предпочитает отказаться принять аллегорию на свой счет, но для этого необходимо подвергнуть "двуплюсnehорошую" книгу интерпретации по системе "двоемыслия". Это проделано, например, в статье Виктора Цоппи ("1984" — 1984-ый: круг замкнулся"), появившейся в последнем номере за 1983 г. советского политического еженедельника "Новое время" (почти одновременно с вынесением приговора читателю Оруэлла в Латвии). Поводом для статьи послужила посвященная Оруэллу новогодняя программа французского телевидения под руководством южнокорейского режиссера Нам Джун Пайка.

Автора статьи не заподозришь во внимательном изучении обсуждаемого произведения. Возможно, что он вообще не читал книги, удовольствовавшись кратким содержанием, изготовленным в "Миниправе", или он читал ее когда-то, еще не зная, что получит соцказак на рецензию, так же тайно, как Gunnars Astra, но, не рискуя обзавестись собственным экземпляром, читал из-под полы и наскоро... Во всяком случае, в четко очерченной Эммануилом Гольдштейном географии 1984-го Цоппи не разбирается: величает Соединенные Штаты (в "1984" — часть Океании) "Заокеанией", а родину режиссера помещает в Океанию, хотя, по Гольдштейну, ей место в Вост-Азии.

Рецензия начинается с "двухминутки ненависти", направленной против "английского писателя Эрика Блейра, публиковавшегося под псевдонимом Джордж Оруэлл", — в этом обороте заключена, по-видимому, особенно тонкая ирония (или Цоппи стал бы писать об "американском писателе Сэмюэле Клементе, публиковавшемся под псевдонимом Марк Твен"? О "французском писателе Анри Бейле, публиковавшемся под псевдонимом Фредерик Стендаль"?). Затем, по логике двоемыслия, оказывается, что постоянно заблуждавшийся писатель способен был и на прозрения: так в "1984" он предвидел и изобразил сегодняшнее положение в... Соединенных Штатах!

Доводы, которыми Цоппи подкрепляет этот своеобразный тезис, более чем шатки: один

состоит из сочетания того факта, что первоначальный набросок романа назывался "Последний европеец", с утверждением, будто Соединенные Штаты готовы защищать Европу "до последнего европейца"; другой довод — цитата из "одного из немногих серьезных исследователей Оруэлла": "Оруэлл как бы говорит: если вы не остережетесь, если не очнетесь, вот, в карикатурном виде, что Мы рискуем получить" — "Мы — т. е. Запад. Мы — т. е. капитализм!" — патетически восклицает Цоппи. Странно только, что он не называет имени исследователя. Чтобы уберечь его от "О'Брайновских застенок"? Или потому, что маленькая цитата выдернута из статьи, которая содержит действительно серьезное исследование — например, объяснение, кого, какой партии надо остерегаться, чтобы не получить "океанской" системы?

Сам Оруэлл объяснил выбор места действия романа так, что это объяснение (вопреки попыткам обработать его по принципу двоемыслия) не подтверждает, а опровергает советскую интерпретацию: "Действие книги перенесено в Британию, чтобы подчеркнуть, что англоязычные расы не лучше отроду, чем какие-либо другие, и что тоталитаризм, если против него не бороться, может восторжествовать повсюду".

Над "океанского стиля" евразийской интерпретацией, имеющей к истине не больше отношения, чем выдуманная Уинстоном Смитом для речи Большого Брата биография тов. Огилви⁸, можно было бы просто улыбнуться, если бы подобные толкования не распространялись левыми интеллигентами в свободном мире, в частности, в Соединенных Штатах. Издатель журнала "Commentary" Норман Подгорец в своей статье, опубликованной (с целью осведомления не только элиты, но и культурно заинтересованной массы читателей) в Readers digest, приводит ряд случаев: например, высказывание доцента, работающего в общеобразовательном институте для взрослых, который с радостью заявляет, что только немногие из его учеников дают сегодня роману то антисоветское истолкование, которое было принято в 50-ых — начале 60-ых гг.

Подгорец справедливо указывает на последовательное развитие отношения Оруэлла к Советскому Союзу — от первого его столкновения с "братской помощью" СССР испанскому антифашистскому фронту до твердой позиции, которую Оруэлл занимал по отношению к коммунистам во время и после Второй мировой войны. Тогда, не смущаясь общественным мнением в Англии (которое в значительной степени тяготело к толерантности по отношению к союзнику в борьбе против Гитлера), Оруэлл утверждал, что после разгрома нацизма Советский Союз остается последним бастионом тоталитаризма⁹.

Почти на каждой странице оруэлловской книги встречаются явные детали из советской жизни. Разве Эммануил Гольдштейн играет в Океании не такую же роль предмета узаконенной ненависти, как Троцкий в СССР? Не только имя является прозрачным намеком, но и сама запретная книга явно содержит элемент пародии на теорию перманентной революции, что могло удаться только такому большому таланту, к тому же хорошо осведомленному в области коммунистической литературы, каким был Оруэлл.

“...С него снята всякая общественность: он выполняет приказ, поскольку это его работа. Таким образом у него всегда может быть чувство выполненного долга, хотя бы он и делал вещи, которые, будь его воля, делать бы не стал...” — нет, это цитата не из Оруэлла — это Амальрик пишет о советском чиновнике и заключает: “На своем посту — он автомат, вне поста — пассивен”¹⁰. Вспомним для сравнения радость и удовлетворение, испытываемые Уинстоном Смитом, когда вместо механической рутины он занят работой, которую условно можно отнести к категории умственного труда, хотя при этом он фабрикует ту же лжеинформацию, которая его самого так возмущает¹¹.

Одно из самых страшных мест в книге Оруэлла (может быть, страшнее описания пыток) — детский мир в Океании: юные Парсоны, играя со Смитом, с криками “предатель! шпион!” грозят ему расстрелом и “распылением”. “...Оба были одеты в форму Юных Шпионов: в короткие серые штанишки и серые рубашки с красным шейным платком”, — пишет Оруэлл, ловко смешивая детали из практики Гитлерюгенд и советской пионерской организации: “...эта несчастная женщина должна жить в постоянном страхе. Пройдут еще год или два, и они начнут следить за нею днем и ночью, чтобы уличить в каком-нибудь уклонении... хуже всего то, что систематическое превращение их с помощью таких организаций... в маленьких неукротимых дикарей не вызывает у них ни малейшего протеста... они обожают Партию... Песни, демонстрации, знамена... упражнения с бутафорскими винтовками, выкрикивание лозунгов, прославление Большого Брата — вот те игры, которые привлекают их больше всего. Вся их ярость... обращена вовне — против врагов Государства, против иностранцев и предателей, саботажников... Стало уже нормальным, что люди старше 30-ти лет боятся... собственных детей. И не напрасно: не проходит ни одной недели, чтобы Таймс не опубликовал заметки о каком-нибудь маленьком подлом наущнике — “юном герое”, ...который, подслушав несколько компрометирующих фраз, донес на собственных родителей...”¹². Ну как не вспомнить Павлика Морозова, а какую параллель могли

бы советские интерпретаторы найти в Соединенных Штатах?

По свидетельству Амальрика, книга Оруэлла, перепечатанная на машинке или переснятая на пленку, находит широкое распространение в Советском Союзе через Самиздат. Советские читатели сразу находят в книге знакомые детали и понятия: например, академик Сахаров, разъясняя для Запада термин “партийная номенклатура”, переводит его ссылкой на Оруэлла: “внутренняя партия”¹³.

Утверждение, что Оруэлл писал, исходя в первую очередь из данных советской действительности, подкрепляется и тем обстоятельством, что книга Оруэлла возникла как реакция — “развернутый ответ” — на другую книгу, принадлежащую перу русского (до некоторой степени даже советского) писателя.

Вспомним, как сильна в советской печати (и в публицистике, и в специальной литературе) тенденция приписывать русским роль двигателя прогресса чуть ли не во всех областях современной цивилизации. Это оборачивается поистине медвежьей услугой для русской культуры: в научном мире Запада привыкли, после нескольких необоснованных заявлений, посмеиваться над русским “*jus primae noctis*” на все важнейшие научные открытия и значительные технические изобретения и перестают прислушиваться к голосу русской науки в некоторых спорных (Гаусс — Лобачевский) или даже бесспорных (Ломоносов — Лавуазье) случаях.

Вопреки этой тенденции, литературоведы или критики с советской стороны не поднимают дискуссии о праве первенства на оруэлловскую тему. Именно западная печать вспоминает время от времени (вспомнила и в этом году в связи со столетием со дня рождения автора), что у книги Оруэлла был русский прообраз — написанный всего три года спустя после октябрьской революции и опубликованный на четверть века раньше, чем “1984”, роман “Мы” Евгения Замятина.

**Замутий, епископ обезьянский¹⁴,
он же англичанин московский¹⁵**

Юбилар оруэлловского года Евгений Иванович Замятин родился 20.1. (1.2.) 1884 г., т. е. был старше Оруэлла на целое поколение.

Литературоведы обычно делят творчество писателей на периоды — жизнь и творчество Евгения Замятина были поделены историческими событиями на эпохи. Как, по словам Замятина, было два Герберта Уэллса, так было и двое Замятиных, только два Уэллса существовали параллельно, а второй Замятин скорее сменил первого и в значительной степени (незаслуженно!) вытеснил из памяти читателя.

Замятин достиг совершеннолетия в революционном 1905 году, был членом студенче-

ских и рабочих революционных кружков (некоторое время даже членом РСДРП) и активным участником революционных событий: находился в Одессе во время восстания на броненосце "Потемкин", в Гельсингфорсе — во время восстания в Свеаборге. "Революция не была еще законной супругой, ревниво блюдушей свою законную монополию на супружескую любовь, — вспоминает Замятин, начиная статью о Леониде Андрееве, — Революция была юной огненноглазой любовницей, и я был влюблен в Революцию..."¹⁶

Революция была небезопасным предметом любви: Замятину пришлось посидеть в тюрьме, он был выслан из столицы, после чего жил в ней годами нелегально; в 1911 г. вторично был выслан в родную Лебедянь, но уже через 2 года амнистирован. Бурный роман с революцией не помешал технически необычайно одаренному Замятину блестяще закончить Петербургский политехнический институт и остаться в аспирантуре при кафедре кораблестроения. В эти же годы он начинает свою литературную деятельность: первая публикация — 1908 г., первый крупный успех — повесть "Уездное" (1913). Круг тем писателя в эти годы — быт русской провинции; в его раннем творчестве ощущается влияние Лескова и Куприна, по стилю он с самого начала не реалист, а экспрессионист. В 1914 г. повесть "На куличках" послужила причиной конфискации журнала "Заветы". Судебный процесс, на котором автор обвинялся в оскорблении армии, закончился его оправданием, хотя быт провинциального офицерства на Дальнем Востоке изображен в таких красках, что было не что обидеться.

В 1916 г. Замятин отправляется в командировку в Англию, где работает на стройке ледоколов, там он завязывает знакомства и связи в английских литературных кругах (Уэллс, Бернард Шоу и мн. др.). Его собственные рассказы из английской жизни не принадлежат к числу творческих удач.

Февральскую революцию Замятин воспринимает как призыв домой. Он возвращается на родину в сентябре 1917 г. — накануне октябрьской революции.

Замятин, считавший революцию не просто социальным явлением, а "космическим универсальным законом", ощущает последовавшую за октябрьским переворотом кровавую смесь террора с разрухой как "возврат к пещерному существованию". Он серьезно озабочен судьбой русской культуры. В статье "Я боюсь" (1921)¹⁷ он выражает опасение, что в результате давления партийных директив единственным возможным будущим для русской литературы окажется ее прошлое. "...Правда — вот чего в первую голову не хватает сегодняшней литературе, — пишет он в статье "О сегодняшнем и современном", — слишком

привыкли говорить с оглядкой и опаской... очень мало литература выполняет сейчас... заданную ей историей задачу: увидеть нашу удивительную неповторимую эпоху — со всем, что в ней есть отвратительного и прекрасного..."¹⁸

Замятин оставляет профессию кораблестроителя и всю свою деятельность направляет на дело спасения русской культуры: журналист и литературный критик, сотрудник издательств и редакций, лектор на литературные темы и драматург, принимающий горячее участие в театральных постановках, глава ленинградской секции Союза Писателей РСФСР — вот Замятин пореволюционных лет. Но прозаик-бытописатель умирает с умиранием прежнего русского быта. Пришедшему на смену не вполне человеческому прозябанию посвящен ряд рассказов, за которые советская критика упрекает Замятина в "зоологизме" (подразумевается натуралистический элемент, характерный для экспрессионизма, как видно и на примерах западной литературы).

Лишившись своей основной тематики, Замятин ищет новых тем в самых разнообразных областях. Дерзкая проба пера в форме "жизни", "византийской повести" — "О том, как исцелен был инок Еразм": что, казалось бы, общего между Ремизовым и Анатолем Франсом? А хотите — и совмещу? Писатель с чутким ощущением времени ("Всякое сегодня — одновременно и колыбель, и саван..."¹⁹) не мог остаться в стороне от исторической тематики. Интересна оценка этих поисков в первой советской литературной энциклопедии: "начинает тяготеть к таким формам, **которые гарантировали бы ему безопасность** (подчеркнуто мной, — И. Б.), — к исторической, сказочной, фантастической тематике..."

Историческая тематика не гарантировала, однако, Замятину безопасности, т. к. он открыл в русской революционной эпохе не навязанное сверху сходство со "старшей сестрой" — Французской революцией и параллель к великому переселению народов на заре средневековья, найдя в них "одинаковое звучание". Образ Аттилы, с тех пор навязчиво преследовавший Замятина: трагедия "Аттила" (1928), повесть "Бич Божий" (1928—35) — и так и не нашедший окончательного выражения, мог даже показаться Сталину намеком (или не только показаться?).

Вообще же Замятин этих лет как бы занят не столько собственным творчеством, сколько установлением вех для других: в жанре рассказа — для Зощенко, в драматургии — для Булгакова. Слоним справедливо называет Замятина связующим звеном между старым литературным поколением, разгромленным революцией, и молодежью, только входящей в литературу. Именно заветом начинающим писателям звучат строки из упомянутой выше

статьи "Я боюсь": "Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. А если писатель должен быть сегодня благоразумным... сегодня полезным... — тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня и в которую завтра завертывают глиняное мыло..."²⁰

Замятин не стал писателем исторической тематики. Его ощущение времени имело и другое измерение: "...Эйнштейном сорваны с якорей само пространство и время... искусство, выросшее на этой сегодняшней реальности, — разве может не быть фантастическим, похожим на сон?"²¹. Замятин приходит к тематике, противоположной исторической: "После произведенного Эйнштейном геометрически-философского землетрясения окончательно погибли прежние пространство и время. Но еще до Эйнштейновского землетрясения это было записано сейсмографом искусства..."²²

В отличие от многих современников, искавших в научной фантастике только занимательного чтения, Замятин принимает этот жанр всерьез. В статьях об Уэллсе он ставит автора "механических химических сказок" выше автора бытовых романов. Приветствуя появление этого жанра в русской литературе, Замятин зорко подмечает его недостатки: "...Алексей Толстой из почтового поезда попробовал пересечь в аэроплан фантастики, — но только подпрыгнул и, растопырив крылья, сел на землю, как галчонок, выпавший из родного гнезда (быта). Толстовский Марс — верстах в 40 от Рязани..."²³.

Самому Замятину пересадка удалась: посреди своих поисков — в 1920 г. — он создает роман "Мы". Главный герой, житель единого (глобального) тоталитарного (социалистического) государства середины 3-го тысячелетия, строитель межпланетного корабля-крепости (Интеграл), патриот и верно поданный Благодетеля, под влиянием сильного чувства к женщине-бунтарке на некоторое время выходит из повиновения. В конце книги он, как и большинство граждан, излечен от вольнодумства путем оперативного удаления из головного мозга центра фантазии и спокойно созерцает казнь своей бывшей возлюбленной, оставшейся нераскаянной революционеркой.

Фантастическая тематика тоже не гарантировала Замятину безопасности. Роман не нашел издателя в Советском Союзе и появился в 1924 г. (сам Замятин почему-то указывает 1925 г.) на английском языке в Америке. Перевод, очевидно, был несовершенным, что явилось одной из причин меньшего, чем можно было бы ожидать, его успеха у иностранных читателей. Кроме того, для тогдашнего представления о

фантастике роман Замятина был слишком серьезен. Ему, в отличие от Уэллса, недоставало фабульной занимательности. За английским изданием последовала публикация по-чешски (1927?) и по-французски. Русские эмигрантские издательства предлагали Замятину опубликовать "Мы" по-русски за границей, но тот отказался из лояльности к правительству. Журнал "Воля России", выходящий в Праге, опубликовал без разрешения автора отрывки, за неимением русского текста переведенные с чешского. После того, как это стало известно в Советском Союзе, Замятин стал там литературной persona non grata № 1. Он демонстративно выходит из Союза Писателей (не был исключен, как указывают в некоторых источниках), а в 1931 г. обращается к Сталину с открытым письмом, в котором заявляет, что без суда и следствия приговорен к "высшей мере наказания для писателя — к молчанию" и просит разрешения на выезд за границу. Просьба его была удовлетворена: в 1932 г. Замятин уезжает в Париж, тем самым избежав той более простой, чем молчание, формы "высшей меры", которая в те же 30-е гг. постигла многих его коллег.

В эмигрантской среде Евгений Замятин, слишком левый для монархически настроенных кругов и слишком правый для коммунистических, был довольно одинок. Стать успешным "иноязычным" автором он, вопреки своим надеждам, не смог (или не успел?).

Евгений Замятин умер в Париже после всего пяти лет эмигрантской жизни. Год его смерти — 1937-й — явился для Джорджа Оруэлла годом потери всяких иллюзий по отношению к коммунизму.

Дуэт? Дуэль? Диалог — диспут

Уже при поверхностном сравнении обоих романов (даже только по краткому содержанию) очевидно сходство их фабулы. Более подробное рассмотрение открывает ряд параллелей, как в развитии действия, так и в отдельных деталях.

Правители тоталитарных государств, в которых происходит действие, носят имена, заявляющие претензию не только на уважение и послушание, но и на любовь населения: у Замятина — Благодетель, у Оруэлла — Большой Брат. Как "внешпартийцы" Оруэлла, так и замятинские "нумера" носят форму, напоминающую рабочие комбинезоны, их день регламентирован. "Мы" написан в форме дневника главного героя — в "1984" дневник героя играет значительную роль. Запретное чувство любви к женщине у обоих героев начинается с недоверия и враждебности, оба они в финале предают свою любовь. В обоих романах появляется как эпизодический персонаж поэт, трагическая судьба которого — символ положения искусства в тоталитарном государстве.

Этот ряд сравнений можно было бы продолжить, но исчерпать его можно только в отдельном исследовании. Сказанного выше достаточно, чтобы понять, что такое сходство не может быть случайным, — оно и не случайно: Оруэллу роман "Мы" был известен.

Интересная задача для биографов — установить, были ли писатели лично знакомы (сведения об этом разноречивы и требуют документальной проверки). Впрочем, для проблемы литературного влияния этот биографический факт не играет решающей роли. Вспомним слова Мандельштама о том, что переключка на расстоянии бывает плодотворнее перешептывания с соседом. Замятин — Оруэлл, "Мы" — "1984" — именно пример такой переключки поколений. Чтобы вслушаться в нее, следует обратить внимание на то, что в этих романах различно.

Фантастическая хронология обоих романов не соответствует фактической и не нуждается в этом. Вряд ли Замятин предполагал, что тоталитарная обезличка требует для своего развития 5—6 столетий. Но именно потому, что и фантастическая тематика не гарантировала ему безопасности, он должен был ослабить и так уже бросающуюся в глаза связь с современностью. Между своей эпохой и временем действия "Мы" он помещает двухвековую войну, уничтожившую почти всю современную автору цивилизацию и культуру. Тем самым Замятин, еще не имевший понятия о термоядерном оружии, был большим, чем Оруэлл, пессимистом в военном вопросе. В противоположность Замятину, Оруэлл, поставивший своей целью одернуть человека, предупредить его против нависшей над ним опасности — потери личности, максимально приближает действие романа к современности, помещает его во временных границах, теоретически еще доступных его сверстникам. Это крик: "Hannibal ante portas!"

"Политическая география" произведений также принципиально различна. В романе "Мы" она несколько фантастична, даже как-то противоречива: казалось бы, Единое Государство объемлет всю планету, но город, в котором живет главный герой, окружен Зеленой стеной, а за ней уже царит анархия впадших в полуживотное состояние дикарей. Означает ли это, что каждый высокотехнически оснащенный город Государства окружен такими предместьями? Или все государство скорее только единственно уцелевшее после катастрофы, а не Единое (в значении глобальное) и представляет собой только небольшой polis — остров в море дикости? Эта неопределенность — вряд ли упущение автора; скорее она характеризует недостаточную осведомленность героя, от имени которого ведется повествование.

У Оруэлла запретная книга Гольдштейна дает точные указания о границах трех сверх-

держав и лежащих между ними спорных территорий, из-за которых ведется вечная война. При определенных предпосылках это деление даже логически вытекает из современных международных связей.

Замятинские "нумера", хотя фактически лишены личной жизни, обитают в известного рода технически оснащенном комфорте, окружены, хотя и вызывающей у читателя отвращение, но им самим привычной железобетонной "эстетикой".

Оруэлл показывает, что правительство тоталитарного государства не нуждается в создании комфорта для рядовых жителей: гражданам Океании живут в разрушающихся городах, среди которых высются только отдельные сооруженные по последнему слову техники здания.

Химическому питанию у Замятина Оруэлл противопоставляет "жратву" из смеси низкосортных продуктов с суррогатами и систематическое спаивание граждан синтетическим алкоголем.

В едином государстве Замятина нет деления на партийцев и беспартийных: "нумера", сменявшие имена, напоминают о партийных билетах, но само слово не употребляется (может быть, при всей антипатии Замятина к "оглядкам" в творчестве, все же из осторожности?). В романе Оруэлла изображена двуступенчатая партия, носящая смешанные черты коммунистической и национал-социалистической, только ее верхушка — "внутренняя партия" — облечена властью и живет в довольстве.

Как "нумера" Замятина, так и партийцы Оруэлла находятся в более или менее враждебном окружении: у Замятина это — "волосатые люди" за Зеленой стеной, носители животной силы и анархии, от которых обновление может прийти только через разрушение; в отличие от них, "пролы" Оруэлла, физически такие же люди, как партийцы, напоминают английский рабочий класс (только невежественней и беднее) и сберегают многие человеческие качества, утерянные не только внутренней, но и внешней партией.

Главный герой романа "Мы", Д-503 — строитель Интеграла, выделяется среди будто бы равных "нумеров" талантом и пользуется известностью. Свои записи он начинает в поучение потомкам. Герой, т. е., собственно говоря, "антигерой" "1984", — рядовой член внешней партии, рядовой интеллигент, насколько можно говорить об интеллигенции в условиях двоемыслия. Для него ведение дневника уже само по себе является преступлением и актом протеста.

В романе "Мы", созданном под впечатлением гражданской войны, когда идеологические проблемы еще решались оружием, действительно существует тайная организация и разгорается бунт. Оруэлл показывает, что при

способности тоталитарной власти пролезать во все щели и контролировать каждого, тайная организация немыслима, возможна только фикция, провокация. Отсюда "противоположные по знаку" персонажи: в "Мы" — предполагаемый шпион, который оказывается в действительности членом тайной организации, а в "1984" — О'Брайн, будто бы возглавляющий тайное "братство", но оказавшийся чиновником Миниюба. Соответственно различны и осколки старого быта: "древний дом" у Замятина — нечто вроде музея и клуба заговорщиков, дом антиквара в "1984" — ловушка.

В "Мы", если не считать карикатурной фигуры немолодой, преданной режиму "Ю", два женских характера: О-90, сначала почти правверная, но бунтующая физически, — чувствует природу, времена года, наконец, хочет ребенка (хотя по законам Единого Государства лишена права на материнство), да еще не от предписанного производителя, а только от любимого ею "Д"; I-330 — убежденная революционерка, для которой "последней революции нет и быть не может", — женщина, способная на сильную страсть.

У Оруэлла только одна героиня (жена Уинстона, появляющаяся только в его воспоминаниях, представляет собой совершенный результат партийного воспитания, т. е. перестала быть и женщиной, и характером). Юлия объединяет в себе черты I и О, бунт ее сознательней, чем у О, но, в отличие от I, направлен, в основном, против притеснений в личной жизни; общественные интересы в ней только еще начинают пробуждаться.

В обоих романах государство "разрешает проблему пола", т. е. вмешивается в личную жизнь граждан: в государстве Замятина отражается проповедь свободной любви в годы военного коммунизма: там все доступны всем; у Оруэлла, ознакомившегося с позднейшими формами "коммунистической морали", господствует обесцвеченный, лишенный эротики брак и запрет на внебрачные связи.

Чувство Д-503 к его "роковой женщине" — скорее страсть, осложненная связью с О-90 и противозаконным ребенком. В финале "Д" спасает О и своего ребенка, отправив их за Зеленую стену и губит I. Чувство Уинстона к Юлии разрастается в большую любовь, и все же он предает ее из страха перед пытками.

У Замятина женщины оказываются лучше и порядочнее героя. У Оруэлла предательство оказывается таким же взаимным, как была любовь.

Ставить вопрос о том, какая из двух книг лучше и заслуживает большего внимания, было бы бессмысленно. Те западные критики, которые считают книгу Замятина стилистически менее совершенной, очевидно, ознакомились с ней по первому неудачному переводу. В оригинале "Мы" представляет собой пре-

красный образец экспрессионистской прозы. "1984" композиционно соответствует традиции английского романа, написана языком скорее журналиста, чем романиста, лексически спартански ограниченным, синтаксически простым и ясным (Оруэлл с гордостью заявлял, что упразднил точку с запятой).

При всем их сходстве, вернее, именно родстве, книги Замятина и Оруэлла очень различны и самостоятельно ценны. Можно считать, что Замятин обладал еще более тонким политическим и социальным чутьем, т. к. он создал свою модель будущего не только до проявления фашизма и национал-социализма, но и до развития сталинизма, исходя от единственной отправной точки — молодого коммунистического государства под эгидой Ленина. В оруэлловской книге есть свои сильные стороны, например, страницы о развращении детских душ в Океании — об отравлении народа на поколения вперед. Умаление значения "вторичной" книги по сравнению с "первичной" или (как в предисловии Кашина к сочинениям Замятина²⁴) противопоставление "житейской драмы "1984" — высокой трагедии "Мы" являются упрощениями, даже искажениями подлинной зависимости.

Возникновение "1984" — яркая иллюстрация к тезису Мандельштама о "брошенной в море бутылке с запиской"²⁴. В 1920 г. Замятин с тонущего корабля бросил в море бутылку с SOS; Оруэлл, найдя эту записку, начал спасательную экспедицию с важного указания: тонущий корабль образует водовороты, в которые могут быть втянуты и другие суда...

Совместная ценность этих двух книг, связанных общей идеей спасения человеческой личности, выше простой "суммы ценностей".

Прогноз или предупреждение?

Вопрос, который может возникнуть по прочтении обеих книг, не касается атомной войны, но он не менее тревожен: приближаемся ли мы к состоянию, описанному в обеих антиутопиях? Сбылось ли уже что-нибудь из того, что в момент написания книг можно было считать продуктом гениальной, но несколько мрачной фантазии?

Первое, что бросается в глаза каждому (кто их не закрывает умышленно), — советские "психушки". Достаточно открыть наугад хотя бы, например, книгу Евгения Николаева²⁵, чтобы найти в ней диалоги, весьма близкие к беседам Уинстона Смита с О'Брайном. Фактически эти советские учреждения уже движутся от оруэлловских медицинских пыток к замятинскому оперативному удалению фантазии*.

* См. также в этом номере нашего журнала статью В. Пирожковой "По поводу одной книги". (Прим. ред.)

Суммарно в странах с тоталитарными режимами сбылось уже почти все. Если ни в Советском Союзе, ни в Восточной Европе дело не дошло до публичных казней в парках культуры и отдыха, то в Китае они уже имели место, а в Иране имеют место сегодня, и на площади сгоняют зрителей — в том числе женщин и детей.

Можно утешаться мыслью, что нас, живущих в свободном мире, это не касается. Но как обстоит дело с техническим прогрессом? Он-то касается и Западной Европы, и Америки...

А между тем сочетание телефонной сети, звукозаписи, телевидения и компьютеров дает в ближайшем будущем, вернее, даже уже сегодня, возможность постоянной слежки за каждым частным лицом. Оруэлловский "телескрин" сегодня уже не просто фантазия: он — в пределах

возможного. К чему это может привести в социалистических государствах, прочитав Оруэлла, легко себе представить. Но и в свободном мире велико искушение накапливать и использовать информацию о частных лицах — случаи злоупотребления нам уже известны и повторяются.

Залог безопасности от "телескрина" на Западе только в том, что здесь нам не могут навязать системы наблюдения сверху: решения здесь пока что принимаются на демократических началах.

Незадолго до своей смерти Оруэлл сказал по поводу "1984": "Мораль, вытекающая из опасной кошмарной ситуации, проста: не дать этому сбыться. Это зависит от вас".

Это от нас зависит.

¹ Джордж Оруэлл, 1984, стр. 9.

² Там же, стр. 182-198; 199-216.

³ Там же, стр. 193.

⁴ Амстердам, Фонд им. Герцена, 1969.

⁵ Там же, стр. 53.

⁶ Там же, стр. 2.

⁷ Новое Время, № 52, стр. 22-24.

⁸ Оруэлл, 1984, стр. 46-49.

⁹ Амальрик, стр. 16.

¹⁰ Оруэлл, 1984, стр. 44-46.

¹¹ Там же, стр. 25-26.

¹² А. Сахаров, О стране и мире, Хроника, Нью-Йорк, 1975, стр. 19.

¹³ Сан, в который Замятин был возведен Ремизовым.

¹⁴ Прозвище, данное Замятину Блоком.

¹⁵ Е. Замятин, Лица, изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, стр. 53.

¹⁶ Там же, стр. 183-190.

¹⁷ Там же, стр. 213.

¹⁸ Там же, Завтра, стр. 173.

¹⁹ Там же, стр. 189.

²⁰ Там же, О синтетизме, стр. 237-38.

²¹ Там же, стр. 238.

²² Там же, Новая русская проза, стр. 205.

²³ Евгений Замятин, Сочинения, т. I, стр. 15-17.

²⁴ Осип Мандельштам, Собр. соч., т. II, стр. 277.

²⁵ Ewgenij Nikolajew: Gehirnwaesche in Moskau, Klaus Schulz Verl 1983. (Русское издание подготавливается.)

В. КОБЫЛИН

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРОВ В США

В следующем году* начнется предвыборная кампания обеих партий, будут устроены конвенции, на которых выяснится, кто будет "номинирован" как кандидат на пост президента, будут проведены так называемые "праймерис" в разных штатах, чтобы выяснить наибольшую популярность кандидатов, будут истрачены миллионы долларов на процедуру предвыборной кампании, использованы всевозможные влияния, интриги, порой даже шантаж, кандидаты будут себя восхвалять, а своих соперников выставлять в неблагоприятном свете, будет устроена встреча кандидатов обеих партий, во время которой оба кандидата будут вовсю стараться "понравиться" зрителям телевизионной передачи, в общем, будет пущен в ход весь арсенал предвыборной кампании, с невыполнимыми обещаниями и с наигранной самоуверенностью. Это, так сказать, в порядке вещей и неизменно повторяется каждые четыре года.

Но в предстоящем году выборы будут носить несколько специфический характер. На вопрос "почему" ответить нужно, что из-за кан-

дидатуры от республиканской партии — президента Рейгана, который в случае успеха будет переизбран на четыре года. Для того, чтобы понять эту проблему, нужно тщательно присмотреться к деятельности президента, а также хотя бы бегло припомнить, что происходило в Соединенных Штатах за последние сорок лет.

Если мы вспомним, что представлял собой мир в то время, то мы увидим, что Советский Союз против всех своих ожиданий стал полчать во время войны от Соединенных Штатов буквально все, чтобы восстановить свою боеспособность, которая в конце 1941 года была в положении критическом. К тому времени на разных фронтах были миллионы сдавшихся в плен, техническая часть армии (техника, как говорят советские люди) находилась в жалком состоянии, снабжение армии оставляло желать лучшего и "дух армии" был на самом низком уровне. И тут началось американское снабжение Советского Союза всем, что было дозарезу нужно советам. К весне 1942 года стал "выравниваться баланс", а глупейшая и преступная политика Третьего Райха в отношении населения оккупированных областей, а в особенности недопустимое отношение к

* Статья написана до 1.1.84 г.

военнопленным повернули события в другую сторону. Поставок советам было сделано на сумму 13,5 миллиардов долларов в золотой валюте. Но это можно понять: спасали своего союзника, хотя более дальновидная политика могла бы истощить оба страшных тоталитарных режима.

Но вот наступает февраль 1945 года. Третий Райх уже агонизирует, дни его сочтены. В Ялте собирается конференция союзников, как теперь говорят, "на верхах". Присутствуют: Сталин — как хозяин конференции, Черчилль и уже совершенно больной (и, как многие исследователи утверждают, невменяемый) Рузвельт. Обсуждают конец войны и общую, так сказать, политическую стратегию послевоенного времени. В многочисленной свите Рузвельта находился Алжер Хисс*, который через 8 лет в Соединенных Штатах был осужден за членство в коммунистической партии и за выдачу секретных документов и приговорен к пожизненному заключению. Так вот, на этой самой конференции была утверждена "репатриация" советских граждан, находившихся в Европе и Америке, а также были распределены "зоны влияния" в Европе, и вся Восточная Европа вошла "в зону советского влияния". Что это значило, очень скоро увидел весь свет. Можно поставить вопрос, почему на это пошли лидеры западных демократий? Это, так сказать, "заслуга" Рузвельта. Через два месяца после этой конференции Рузвельт умер и президентом Соединенных Штатов автоматически стал вице-президент Труман. При нем состоялась Потсдамская конференция, на которой произошел дележ Германии, причем американский президент не потруился Западный Берлин соединить с Западной Германией, что привело сперва к блокаде Берлина в 1948 году, а затем к позорной стене в Берлине. Во время Корейской войны блестящий военачальник, генерал Мак-Артур, хотел решительными мерами сокрушить Северную Корею и помогавших ей китайцев, и был немедленно отозван и смещен со своего поста. Следующим президентом был Айзенхауер, который внял уговору своих "экспертов" и приветствовал приход ко власти на Кубе Фиделя Кастро, как "умеренного реформатора". Президент Кеннеди вопреки своим обещаниям не поддержал воздушными силами десант эмигрантов на Кубу и этим предрешил исход этого начинания. Это посоветовал ему его брат Роберт Кеннеди, министр юстиции в правительстве брата. Президент

Джонсон, вместо решительного разгрома Северного Вьетнама, "убоялся" гнева советов, и война велась глупейшим образом. Президент Никсон, которого многие считали "знатоком иностранной политики", начал политику "детанта", которая привела к катастрофическим последствиям, а к тому же ликвидировал обязательную воинскую повинность, сразу понизив боеспособность американских сил национальной обороны. Президент Форд заключил позорный "мир" в Индокитае, вернее, подтвердил неслыханное поражение американской армии и обрек население трех стран на невероятные страдания, в особенности в Камбодже, где явный психопат Пол Пот истребил три миллиона человек. И, наконец, Джими Картер, самый неудачный из всех президентов Соединенных Штатов, не пошевелил и пальцем для укрепления военного потенциала Америки, в то время как Советский Союз ускоренными темпами обгонял Америку во всех категориях смертоносного оружия. Солт II, подписанный Картером, не был ратифицирован Конгрессом. Картер предал иранского шаха и президента Никарагуа, сразу изменив кардинальным образом политико-военную конфигурацию во всем мире. Из-за исчезновения сильного в военном отношении Ирана при шахе советы пошли на риск оккупации Афганистана. Теперь нет заслона в направлении Персидского залива, столь важного во всех отношениях: и нефть, и стратегический узел.

Кратко проследив сорок лет деятельности внешней политики Соединенных Штатов, мы видим, как методично, неизменно и эффективно оказывалась прямая или косвенная помощь коммунизму. Да, не будь этой помощи, коммунизм давно уже начал бы "увядать", а теперь тень коммунизма нависла над всем миром.

И вдруг на выборах в конце 1980 года выбирается на пост президента страны Рональд Рейган, бывший губернатор Калифорнии, а еще раньше киноактер. Все, конечно, знали, что он держится строго консервативных взглядов, но никто не ожидал, что он окажется первым президентом Соединенных Штатов, да, именно первым, который, вопреки уже сложившейся традиции и практике последних нескольких десятиков лет, не пойдет навстречу коммунизму в лице Советского Союза. Как так? Никто не хотел этому верить! Помилуйте, ведь объявлена эта самая разрядка, или "детант", всегда делались уступки по заведенной формуле "соглашений", которые всегда сводились к уступкам с американской стороны, а тут ничего подобного не происходит.

Советы мобилизовали все свои силы и в Западной Европе, и в Америке, чтобы заставить Рейгана пойти на соглашение, но так, как это угодно и приемлемо для советов. Тут и "замораживание" status quo с явным преобладанием

*Алжер Хисс был матерым советским агентом, что подтверждает в своей книге тоже бывшая агентка, ставшая потом яркой антикоммунисткой, Hode Massing. Ее книга вышла по-английски в 1951 г. под названием "This Deception" и по-немецки в 1967 г. — "Die grosse Täuschung".

сил советов, тут и всякие посулы, чтобы только не допустить размещения ракет Першинга в Европе, тут и явный шантаж и угрозы. Помимо этого, все так называемые “прогрессивные” силы, состоящие из пацифистов, социалистов, либералов и всяких других попутчиков советов, начали устраивать демонстрации повсюду, обвиняя Америку в милитаризме, а об явном, чересчур даже явном милитаризме советов с его ракетами в Восточной Европе, нацеленными на Западную Европу, ни одного слова, как будто ничего нет. Интереснее всего, что члены Конгресса участвуют в этих выступлениях, не соображая, что льют воду на мельницу советов. А события в Центральной Америке? А последние события на Гренаде, где американцы по приказу президента ликвидировали захват этого важного стратегического пункта силами коммунизма — советов и Кубы? В газетных отчетах сообщают о захваченных документах, где ясно сказано, что весь район Карибского моря подлежал захвату коммунистами. Так господа либералы, где бы они ни находились: в Конгрессе, в общественных организациях, в университетах и других местах, истошно кричат о нарушении “гражданских прав” гренадских гангстеров и “человеческих прав” кубинских коммунистов и прочего сброда.

А вернувшиеся студенты, которые учились в американской медицинской школе на Гренаде, целовали землю, когда прибыли домой, в Соединенные Штаты. События в Никарагуа, где орудуют тысячи кубинских, советских, севернокорейских и восточногерманских “советников”, гражданская война в Сальвадоре, где коммунистические повстанцы прекрасно экипированы советами при посредстве Кубы и подготовка “партизанщины” в соседних странах говорят об энергичном стремлении советов окружить Соединенные Штаты кольцом “прогрессивных” стран с “братским” режимом. Президент Рейган повсюду проявляет свою инициативу, помогая правительству Сальвадора в борьбе с коммунистами, поощряя антисандинистские группы на территории Гондураса и помогая режимам антикоммунистов в Центральной Америке. Конгресс в лице своих либералов все время ставит палки в колеса в деятельности президента, отказывая или сокращая кредиты на все эти операции, и все время кричит о нарушении “человеческих прав”, ссылаясь на конституцию.

Тут нужно сказать несколько слов о том, как неверно, как бюрократично (я бы сказал, безграмотно) понимается текст конституции со всеми поправками. Пример — молитва в школе. Автор параграфа, говорящего о поло-

жении религии, Томас Джефферсон, имел в виду равенство всех религиозных исповеданий, а совсем не изгнание религии из государственной и общественной жизни страны. Верховный Суд страны, когда его председателем был пресловутый Уоррен, совершенно исказил конституцию своим толкованием, лишенным здравого смысла. Это относится и к изгнанию молитвы (приемлемой для всех “деноминаций”), и к толкованию процедуры правосудия, когда преступнику даются все преимущества за счет жертв преступления и, наконец, к толкованию человеческих и гражданских прав, когда эти права заботливо охраняют нарушителей не только прав большинства членов общества, но и нормальной человеческой жизни.

А все, что происходит в “блоке социалистических стран”, где прав вообще никаких не существует, не вызывает никаких протестов. Почему такая двойная мера в отношении стран с разными режимами? Кто и кому дал право такого толкования “человеческих” прав?

Все эти недоуменные вопросы, остающиеся без ответа, связаны с деятельностью президента Рейгана, который стремится, в первую очередь, обезопасить и свою страну, и весь пока свободный мир от посягательства коммунизма на овладение всем миром. Для этого укрепляется военный потенциал Соединенных Штатов, так порочно запущенный за последние годы, до президента Рейгана.

Здесь, в Соединенных Штатах, ведется с давних пор привычная традиция голосовать за “свою” партию. Но в настоящее время нужно понять, что хотя президент Рейган принадлежит к республиканской партии, но он не является республиканцем типа бывших президентов-республиканцев, которые ничем не отличались от демократов. В настоящее время, если президентом страны окажется, скажем, Мондэйл, или Гленн, или еще кто-либо, Советский Союз сразу добьется опять выигрышного положения, а это очень скоро приведет к такому состоянию, когда все преграды к достижению его владычества над миром будут убраны. Это будет означать, в первую очередь, “финляндизацию” Западной Европы, внедрение “братских” режимов в Центральной Америке, вероятный захват Персидского залива при помощи опять-таки “прогрессивного” режима и, в конечном счете, окружение Соединенных Штатов, когда формула “better red, then dead” будет воплощена в жизнь.

Единственная надежда на избежание всего этого связана с переизбранием президента Рейгана. Тогда предстоящие четыре года смогут изменить весь ход событий.

В. ПИРОЖКОВА

ПРОБЛЕМА ВОЕННОПЛЕННЫХ В АФГАНИСТАНЕ

О. Красовский написал воззвание на имя представителей западных правительств и НАТО, обращение к международной прессе, а также к редакциям некоторых русских зарубежных органов. Мы прочли это воззвание в газете "Наша страна", издающейся в Аргентине, № 1746. В этом воззвании О. Красовский осуждает то, что Интернационал Сопротивления призывает советских солдат в Афганистане перебежать или сдаваться в плен афганским повстанцам, ссылаясь при этом на газету "Ди Вельт" от 28. 2. 1983 г. В своем протесте против подобных призывов О. Красовский утверждает безоговорочно, что афганские повстанцы, как правило, убивают военнопленных и перебежчиков, да еще зачастую после зверских пыток. Никаких данных в пользу этого заявления О. Красовский не приводит. Он бездоказательно пишет: "Ведь хорошо известно, что в подавляющем большинстве случаев афганские партизаны убивают попавшихся в их руки, даже перешедших к ним добровольно советских военнослужащих". Кому это известно? И откуда это известно? Если у О. Красовского есть по этому поводу специальные сведения, то он должен был бы поделиться ими и их источником с читателем. А это просто голословное утверждение в весьма серьезном и ответственном вопросе.

Мы взяли из той же газеты "Ди Вельт" репортаж корреспондента, беседовавшего со многими вождями повстанцев. Ниже мы его приводим.

Текст статьи Вальтера Рюба о советских перебежчиках и военнопленных в Афганистане в газете "Ди Вельт" от 2 января 1984 г. Корреспондент говорил со многими предводителями партизанских отрядов и передает их различные ответы. Вот этот текст: "Вождь движения за исламскую революцию покачал головой: "В настоящее время у нас нет советских пленных, — сказал Могамет Нави Мгаммеди. — Причина очень проста. Советские солдаты последнее время не покидают машин и танков, чтобы сражаться. Что же нам остается делать? Мы взрываем машины и танки. Но если танк взрывается или грузовик полностью сгорает, никто не остается в живых... Но мы готовы придерживаться договора, который мы заключили с интернациональным Красным Крестом, и передавать Красному Кресту пленных. Как поступают наши друзья в этом вопросе, это на их ответственности".

Фронт Национального Освобождения относится к проблеме пленных и перебежчиков очень серьезно: "Мы озабочены тем, чтобы

обеспечить советским солдатам будущее в свободном мире, из гуманных и военных причин мы не заинтересованы в том, чтобы возвращать советских солдат их собственной стране, — сказал Гашматула Муджадиди, — мы боимся, что Красный Крест после двухлетнего срока интернирования в Швейцарии передаст пленных или перебежавших советских солдат снова советскому правительству. Поэтому мы пока держим всех русских под собственной охраной. Наши попытки наладить контакт с Красным Крестом по этому вопросу были до сих пор безрезультатными. Поэтому мы решили подождать два года и посмотреть, какова будет судьба живущих в Швейцарии советских военнопленных. Если их передадут Советскому Союзу, мы никогда больше не отдадим ни одного советского солдата Красному Кресту. Если же они получают убежище в Швейцарии, других странах Западной Европы или в США, тогда мы снова будем передавать пленных и дезертиров Красному Кресту. У нас есть ряд советских военнопленных. Они живут хорошо. Они перешли в ислам, и некоторые хотят даже сражаться против советской армии. Мы дадим вам возможность поговорить с двумя советскими солдатами".

Пир Саед Гилани, представитель Национального Фронта исламской революции, уверял, что у них нет советских военнопленных. Об Интернационале Сопротивления во главе с Буковским и Максимовым в Париже, который старается получить возможность для пленных выехать в США, он до сих пор не слышал, но он знает о Красном Кресте и об интернировании русских в Швейцарии. "Я доверяю Красному Кресту, — сказал Гилани, — мы готовы передать советских дезертиров и военнопленных Красному Кресту, если мы их получим, но в данный момент у нас их нет... Война становится ожесточеннее, в плен попадает мало солдат".

Гельббуди́н Гекматыар, представитель фундаменталистического направления ислама, сказал без обиняков: "Мы оставляем у себя наших пленных. Но мы обращаемся с ними хорошо согласно заповедям нашей религии. Только если русские согласны на обмен пленными, мы передаем их людей. Мы уже передали двух пленных Красному Кресту, но, в свою очередь, не получили наших пленных. Причина такова: русские не хотят обмениваться пленными, т. к. они тогда больше не смогут утверждать, что мы плохо обращаемся с советскими солдатами, что мы их бьем и пытаем и отрезаем им уши и носы... Они распространя-

ют такие слухи, чтобы повлиять на собственных солдат, чтобы их запугать. Они должны сражаться на смерть и ни в коем случае не сдаваться в плен. Мы бы вернули пленных, т. к. содержание их в безопасности весьма трудно. Если русские узнают, где находятся пленные, то там не остается камня на камне. Они бомбардируют так безжалостно и основательно, что пленные либо бывают убиты, либо убегают”.

Гекматыар признал, что у него есть пленные. Один был взят в плен раненым, другой уже довольно хорошо говорит по-персидски. “Вы можете с одним из них встретиться, — сказал Гекматыар, — но никто не должен знать, где они находятся”.

Передачу большого числа советских военнопленных Красному Кресту отклонил также Юнос Калес. “Пленные находятся в Афганистане, — сказал Калес, — переговоры с Красным Крестом не привели ни к какому удовлетворительному результату. Мы готовы только на обмен военнопленных на афганских борцов за свободу”. Он отказался дать сведения о числе, происхождении и состоянии пленных, сказав, что он начальник партизанской группы, а не благотворительной организации.

С большим вниманием к вопросу о военнопленных отнесся Бурханудин Раббани. Он сказал, что часто бывает трудно, т. к. повстанцы не имеют ни правительства, ни определенного территориального центра. Раббани сказал: “Но мы все же придерживаемся международных соглашений и передаем пленных международному Красному Кресту. Но мы ожидаем, что советы будут так же поступать. До сих пор наши ожидания не исполнились. Они запрещают представителям Красного Креста даже въезд в Афганистан, вследствие чего тысячи пленных борцов за свободу сидят в тюрьмах Бабака Кармаля, их никто не может посетить и никто не может им помочь. А пленным, которых мы передали Красному Кресту и которые находятся в Швейцарии, грозят, что их снова пошлют в коммунистический ад. Поэтому один русский бежал в Западную Германию и попросил там убежища”.

Из приведенного текста явствует, что: 1) нет и речи о том, что пленных и перебежчиков “в подавляющем большинстве случаев убивают”, сообщения же о жесточайших пытках, видимо, взяты прямо из источников советской пропаганды. 2) Но видно, что положение пленных неопределенно. Один из руководителей афганских повстанцев, который высказался особенно озабоченно в отношении судьбы пленных, сказал, однако, что все пленные, находящиеся у него, перешли в ислам. А это наводит на вопрос, так ли бы он хорошо относился к ним, если бы они в ислам не перешли? Кроме того, можно предположить, что все эти пленные, или большинство из них, из

азиатских республик и здесь имеет место не “переход в ислам”, а возвращение к религии предков. А каково отношение к русским, украинцам и другим далеким от ислама народам?

Другие хотели бы обменивать пленных советских солдат на своих борцов, попавших в плен к советской армии. Это желание вполне понятно, и для солдат любой армии нормальной страны с нормальным правительством такой обмен означал бы свободу, возвращение на родину и к своей семье, больше того, самый теплый прием в своей стране. Но иная судьба возвращенного советского военнопленного. Он вряд ли вернется к своей семье и сможет рассказать о том, что афганские повстанцы обращались с ним по-человечески. В этом отношении слова одного из руководителей афганских повстанцев, что “русские” не хотят обмениваться военнопленными, чтобы их вернувшиеся военнопленные не рассказали правды, довольно наивны: вернувшихся упрятали бы так далеко, что они мало кому могли бы рассказать правду. Впрочем... после окончания финской войны 1939-40 гг. мы знали, что вернувшиеся из финского плена советские солдаты попали в концлагерь. Может быть, и теперь многие узнали бы о том, что пленные вернулись живыми и что “своя” власть упрятала их в места весьма отдаленные. Но советы не соглашались на обмен, т. к. они совершенно не заинтересованы в судьбе солдат своей армии, а отдать афганским повстанцам хоть несколько их борцов, чтобы те снова обратили оружие против них, они не хотят. Но так или иначе, и эта угроза — обмен военнопленными — висит над головой попавших в плен к афганцам советских солдат.

И еще хуже: нельзя доверять Красному Кресту! Казалось бы, самое человеческое, что афганские повстанцы могут сделать, это передать пленных Красному Кресту. Но вот и над переданными Красному Кресту нависает угроза быть отданными снова советской власти. И некоторые вожди афганских повстанцев оказываются более человечными, чем Красный Крест, и требуют от него сначала гарантии, что переданные ему пленные не будут возвращены насильно Советскому Союзу.

И еще одна угроза нависает над головой пленных: убийство бомбами своей же армии. Отметим еще, что высказывания двух из афганских вождей звучат так, что здесь можно предполагать и убийство пленных.

Каков же вывод? Вывод тот, что обвинение афганских повстанцев в том, что они поголовно убивают пленных и даже жестоко их пытаются, не выдерживает критики и должно считаться ложным запугиванием советских солдат. Но, с другой стороны, положение пленных и даже перебежчиков настолько неопределенно и опасно, что призывать их к переходу к пов-

станцам было бы безответственно. Да, призывать их к дезертирству — безответственно. Но так же безответственно запугивать их тем, что их непременно убьют, да еще и после жестоких пыток. Понятно, что их этим запугивает советская пропаганда, но зачем же русской эмиграции этим заниматься?

Решение, сражаться ли дальше в рядах советской армии против афганских патриотов, положить ли голову в этой несправедливой войне или же перебежать к повстанцам, несмотря на опасность, неопределенность и, может быть (но не наверное, а может быть), тоже печальную судьбу, это решение — дело совести каждого отдельного советского солдата. И нельзя в тех передачах, которые могут дойти до солдат, ни рисовать радужной картину перебега, ни запугивать их неверными утверждениями, что их **непременно** ожидает смерть, да еще и жестокие пытки.

Но в воззвании О. Красовского есть поистине ужасная фраза. Так и кажется, что она соскочила в воззвание прямо со страниц "Правды" или "Известий". Вот она: "А что станется с тем, кому посчастливилось быть доставленным Интернационалом Сопротивления на Запад? Две-три пресс-конференции, устроенные с целью отчитаться перед благодетелями Интернационала Сопротивления за потраченные деньги американских налогоплательщиков. А затем — незавидная доля никому не нужного человека в чужом и бездушном мире". Поистине, насколько же своя, а не чужая, и как бесконечно душевна советская армия! Как

близки сердцу и душевны коммунистический режим и созданная им атмосфера в стране! И как нужны ему эти солдаты, — о, это, конечно, верно, они нужны для того, чтобы они клали свои головы в несправедливой войне во славу коммунистического режима! Для этого они нужны, это верно. И что же, О. Красовский считает "героическую" смерть во славу мирового коммунизма более завидной судьбой, чем свободная жизнь в свободном мире?!

В этом же номере мы печатаем статью о книге необыкновенного человека, который в течение 20 лет пытался бежать из советского "рая". Он подвергал себя много раз смертельным опасностям, пойманный, должен был выдержать страшные пытки советских психушек, снова поставил свою жизнь на карту и, наконец, достиг свободы. Для О. Красовского свобода, видимо, ничто. Человек, попавший в свободный мир, ненужный человек? Это отчего же? В свободном мире зависит от самого человека, станет он нужным или ненужным. Сотни тысяч русских эмигрантов живут полной жизнью, работают по специальности, у них уже имевшейся или приобретенной в стране эмиграции, и они вполне нужные люди.

Но если солдат советской армии не запугать как следует не только якобы неизбежными пытками и казнью, но даже "ненужностью" в таком, ах, бездушном свободном мире, то как бы советская армия не разбежалась! А кто тогда будет воевать во славу советского патриотизма?

В дополнение к нашей статье мы перепечатаем из журнала "Наши Вести" №393 следующую статью. Она подтверждает то, что мы написали.

В. П.

Лорд Николас БЕТЕЛЛ

"ЭТО БЫЛА НЕ НАША ВОЙНА..."

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция "Наших Вестей" настоящим выражает благодарность лорду Н. Бетеллу и редакции газеты "Дейли Мейл" за разрешение перевести и напечатать эту корреспонденцию в нашем журнале.

Коля и Саша еще совсем молоды. Они никогда не выезжали за пределы своей страны. И только после призыва и прохождения начальной подготовки в армии их отправили в Афганистан.

В некотором отношении они похожи на американских ребят, которые 15 лет тому назад были посланы в Юго-Восточную Азию для участия в другой, такой же "непонятной" и "безвыигрышной" войне.

Что же произошло с Колей и Сашей в Афганистане? Что заставило их, равно как и многих их товарищей, стать перебежчиками? Некоторые уже примкнули к афганскому дви-

жению сопротивления, другие же ждут отправки на Запад. Коля и Саша — первые, оказавшиеся уже на свободе. Вот их рассказ:

"Как-то, еще перед отправкой в Афганистан, — говорит Коля, — во время политбеседы, нам объявили, что нас посылают туда для защиты границ СССР.

Затем нам пояснили, что наши враги, Америка и Китай, сообщая строят там базы, готовятся к вторжению в Советский Союз: что, мол, советская армия больше не может оставаться равнодушным наблюдателем того, как империалисты осуществляют свои захватнические замыслы; и что на нашу часть возлагается

святенная миссия защиты нашей родины на территории Афганистана. Нас всех это очень воодушевляло, — мы хотели послужить Родине”.

Вместе с сотнями других военнослужащих их перебросили на юг, а оттуда прямо в Кабул. Прибыли они ночью, и с конвоем их направили в громадный, все расширяющийся комплекс штабов советской армии в десяти милях от города. Это хорошо охраняемый городок с круговыми оборонительными сооружениями, с проволочными заграждениями.

В последующие дни новичков распределяли по разным точкам. Коле и Саше повезло, по крайней мере, они так считали. Их назначили в часть охраны и строительства, и их работа заключалась в несении караульной службы. Затем их перевели в строительный батальон, где они строили оборонительные сооружения и жилые помещения для офицеров-вертолетчиков, которые считаются главным оплотом оккупационной армии в борьбе с вездесущими повстанцами.

И, как рассказали мне Коля и Саша, — то, что вначале показалось им теплым местечком, оказалось лишь иллюзией счастья. Штаб армии с его проволочными заграждениями напоминал собой большой советский исправительно-трудовой лагерь. И очень скоро новоприбывшие поняли, что, находясь буквально в нескольких милях от центра столицы, в которой имеет свое пребывание поставленное Москвой правительство, они фактически были в осаде. Афганские повстанцы беспрепятственно орудовали почти у самого проволочного заграждения и чуть ли не открыто шныряли по городу и его окрестностям. Выйти за ворота военного городка без вооруженного конвоя было просто невозможно.

Солдаты круглый год жили в палатках. Колина и Сашина часть прибыла туда в начале года, когда было холодно и мокро. Им пришлось изрядно померзнуть в этих палатках. А когда наступило лето, то они обливались потом и страдали от недостатка воды.

Несли они и боевое дежурство. Распорядок дня там следующий: подъем в 6 часов утра; рабочий день продолжается с семи утра до семи вечера. Дается час на обеденный отдых. Платили им 9 рублей в месяц (11.70 долларов) специальными чеками, которые имеют хождение только в клубах частей. Коля и Саша большую часть своей зарплаты тратили на принадлежности для чистки формы. За грязный пояс, например, сажают на неделю на губу.

Помимо нехватки питьевой воды, воды для стирки и умывания, были там и другие серьезные проблемы. Во-первых, — это болезни, главным образом тиф и особенно гепатит. А медикаментов нет и врачи мало чем могут помочь больным.

”Нам постоянно твердили о том, что повстанцы жестоко расправляются с пленными, в лучшем случае расстреливают или даже обезглавливают их, — рассказывает дальше Коля. — Наслышались мы и разных ужасов о том, как пленных мучают, как их режут на куски...”

В Афганистане много потерь. Тела убитых переправляют в Союз в цинковых гробах. А сколько таких гробов переправлено — можно только гадать...”

Общее впечатление от их рассказов — советские части в Афганистане изрядно деморализованы.

В Кабуле солдатам запрещено покупать водку. В военторгах можно достать лишь лимонный и яблочный соки. ”Но мы все равно пили, — продолжает Коля, — разбавляли тормозную жидкость водой. А бутылка водки на черном рынке обходилась нам в шестимесячную зарплату.

Черный рынок же процветает там благодаря снабженцам и техникам. Водители в подразделениях материально-технического обеспечения часто ездят в Союз конвоями. Там они закупают водку и прячут ее в мешки с цементом, который везут в Афганистан для строительных работ. По 4—5 бутылок в каждый мешок. Таким образом они могут сколотить себе целое состояние, продавая водку офицерам, гражданским служащим и другим ”капиталистам”. Эти последние — военнослужащие ремонтно-технических подразделений. Среди них процветает торговля казенным электрокабелем, цементом, бензином и запчастями.

В общем во всем чувствуется цинизм и усталость от войны. Перебежчики рассказывают, что у них открылись глаза, когда они возводили блочные дома для офицерского состава и работали над их внутренней отделкой. Они слышали разговоры вернувшихся из задания подвыпивших офицеров-вертолетчиков вроде следующего: ”Какой прок в каждодневных бомбежках афганских деревень? Гибнут только старики и старухи. А настоящий противник прячется по пещерам в горах. Как этого не понимает наше командование?” Другой добавляет: ”Сегодня я все боеприпасы кумулятивного действия употребил на баранов и, может быть, на пастуха. Так война не ведется!”

”Нам, — говорит Коля, — было очень интересно слушать их разговоры. Ведь они говорили о том, о чем говорили между собой и мы, простые солдаты. Они знали всю подноготную этой войны, так как были ее непосредственными участниками, сражались, ежедневно на своих вертолетах вылетали на задание.

Мы же в боях не участвовали. Но мы чувствовали себя заключенными, ибо знали, что даже выход за ворота лагеря может нам стоить жизни; что нам или пулю в лоб пустят или горло перережут. Но мы знали также, хотя и были простыми солдатами, что боремся там

вовсе не с американцами и китайцами, а с афганскими патриотами, которые и не думали вторгаться в пределы Советского Союза. Наоборот, это они защищали свою собственную страну от нас, точно так же, как мы защищали нашу в 1941 году. Нас просто жестоко обманули.

Как-то раз, — продолжает Коля, — в самый разгар лета по лагерю пронесся удивительный слух: будто повстанцы решили переменить тактику — пленных больше не убивают, с простыми солдатами обращаются хорошо. Убивают, мол, лишь одних офицеров.

В то время у нас в батальоне вспыхнула эпидемия, были и смертные случаи. Эта эпидемия, помноженная на скуку и усталость от войны, оказала весьма неблагоприятное влияние на моральное состояние наших ребят. Один застрелился, другой повесился. И у всех на уме было одно: уйти, сдаться повстанцам. Об этом велись разговоры и на дежурствах и в палатках, — вспоминает Коля. — Но я молчал, а то скажешь одному, а он расскажет другому, и не успеешь оглянуться, как уже на тебя донесли.

Начали нас прижимать в отношении дисциплины. Была усилена также и пропаганда о зверствах афганцев. Кроме того, нас били*, в советской армии разрешается бить провинившихся. А одно из самых обычных наказаний — это пробежать 500 метров на полусогнутых, причем офицер бежит за тобой и подгоняет пинками и ударами. А если это расстояние пробежал недостаточно быстро, то заставлял снова пробежать такое же".

Не всем офицерам доверяется ведение пропаганды по поднятию боевого духа солдат. В Союзе изготавливают специальные фильмы, посвященные "героической борьбе" в Афганистане. Время от времени солдат водят на просмотр этих фильмов.

В середине июня, когда был показан один из таких фильмов ("Мерседес уходит от погони"), Коля решил, что уже хватит. После фильма он как был в рабочей одежде, так и отправился пешком в Кабул. Он знал, что идет на риск, но был ко всему готов.

"В городе я услышал перестрелку и одиночные выстрелы в каких-нибудь ста метрах от себя и пошел на эти выстрелы. Я знал, что

там должны были быть афганские повстанцы. Когда перестрелка прекратилась, я увидел идущих мне навстречу вооруженных муджахединов. Вначале я испугался и юркнул в какой-то переулок. За последние годы они ведь многим нашим солдатам глотки перерезали, ни о чем даже и не спросив их.

Но тут же подумал, что ведь худшее уже позади. Во всяком случае, возвращаться назад было поздно — мое отсутствие наверняка уже замечено. И я с поднятыми вверх руками вышел к афганцам и сдался им". Те стали подталкивать его автоматами Калашникова, а он безуспешно пытался объяснить им, что хочет сдаться, испытывая при этом страх, что его тут же прикончат. Но повстанцы как будто бы поняли, в чем дело. Когда позже в лагере Коля встретился с другими пленными, он убедился в том, что таким же образом попали в плен и сотни других перебежчиков. Ему завязали глаза, и все отправились в трехчасовой путь в лагерь повстанцев. А там его подвергли допросу. "Меня спросили, хотел бы я принять ислам и присоединиться к ним для борьбы с советским империализмом, — рассказывает дальше Коля. — Я, понятно, сказал им, что нет, и что хотел бы быть отправленным на Запад".

Только потом он понял, что это был новый серьезный риск для его жизни, когда узнал, что некоторые группы повстанцев расстреливают за отказ принять мусульманство. Но эта группа уважила его просьбу (хотя и не сразу, а лишь пять месяцев спустя. — Ред.), но держала его изолированным от десятка других пленных, которые, как оказалось, приняли ислам. А вскоре после этого Коля снова встретился с Сашей. Трудный и длинный путь предстояло преодолеть им из лагеря в горах Афганистана перед тем, как попасть на Запад, в Брюссель, где я вчера (24 ноября с.г. — Ред.) с ними беседовал. Их жизнь долго еще висела на волоске.

В данное время афганские патриоты хорошо обращаются со своими пленными. Но если повстанцы подвергаются нападению советских частей или же попадают в их окружение, то тогда пленным грозит смерть. Происходит это потому, что они не желают допустить перехода пленных на сторону неприятеля, и таким образом хотят воспрепятствовать им возобновить вооруженную борьбу с повстанцами в рядах советских войск.

Саша и Коля говорят, что у них остались хорошие воспоминания о жизни в горах с афганскими патриотами. Женщин там нет, одни лишь бойцы, причем некоторые были очень молоды, им не больше 12—13 лет.

И только через пять месяцев после перехода на сторону повстанцев их как бы на каком-то "волшебном ковре" из Афганистана доставили в Европу.

Саша родом из небольшой деревни в 400

*Другой перебежчик, А. Захаров, рассказал следующее: "Старослужащие и сержанты нам сразу заявили: "Нас избивали, и мы будем вас избивать". И били, даже в строю, чаще всего ногами или локтями, — стараясь все-таки, чтобы офицеры не видели. Били каждый день несколько раз. Меня поразило, что до Ташкента и в Ташкенте сержанты не были все же такими, как в Кабуле... настоящими зверьми. Вообще в Афганистане все и сразу морально разлагаются" ("Посев" № 2, февраль с. г., стр. 19).

милях на восток от Москвы, а родина Коли — Казахстан. На следующей неделе они уже будут в Нью-Йорке. А со временем собираются стать американскими гражданами.

Как уже сказано выше, они еще совсем молоды. Но судьба их примечательна тем, что со всей очевидностью показывает, до какой степени эта молодежь, будучи продуктом советского воспитания, может стать нелояльной, деморализованной и равнодушной к замыслам своего правительства, если оно, это правительство, использует своих солдат как пушечное мясо в непопулярной войне, войне, носящей сугубо политический характер.

Американские войска во Вьетнаме и сам

американский народ были подвергнуты все-сторонней критике, какую только можно придумать для освещения этой; как ее называли, "безвыигрышной войны".

Будем же надеяться, что русская молодежь сама, без всякой "контрпропаганды" сможет прийти к соответствующему решению, имея в виду, конечно, связанный с таким решением большой риск.

Совершенно очевидно, что в настоящий момент происходит явная переоценка ценностей в умах у самих русских людей в Советском Союзе.

"Дейли Мейл" 1983

Перевел с английского Серафим ГАН.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ (1980 — 1984)

Предварительные замечания

Положение и деятельность Русской Православной Церкви в СССР (РПЦ) систематически освещается нами на протяжении последних двадцати пяти лет. Поэтому данная статья носит не обособленный характер, а является звеном систематической и долголетней исследовательской работы. Капитальная работа на эту тему под названием "Гонимая Церковь" (Нью-Йорк, 1967) охватывала период от октябрьского переворота в России и до 1967 года, когда начали стихать гонения шестидесятых годов. Продолжением указанной работы явилась книга "Зарницы духовного возрождения" (Лондон, Канада, 1974), посвященная деятельности РПЦ конца шестидесятых и начала семидесятых годов. Первое из указанных выше изданий было переведено на английский ("The Crown of Thorns", London, Canada, 1978) и на немецкий ("Die Kirche in der Sowjetunion nach dem Kriege", München, 1973) языки и выпущено отдельными книгами. В немецкое издание вошли частично материалы из второй книги со включением материалов семидесятых годов.

Дальнейшие анализы деятельности РПЦ были перенесены на страницы "Ежегодника Православной Церкви в Америке" (Нью-Йорк), опубликовавшего две статьи: "Русская Православная Церковь в СССР в 1975 г." (Ежегодник, 1976) и "Русская Православная Церковь в СССР в 1976 г." (Ежегодник, 1977). Следующая статья — "Русская Православная Церковь в СССР в конце семидесятых годов (1977—1979 г.г.)" — была опубликована на страницах "Голоса Зарубежья" (№№ 18 и 19, 1980). Одновременно она была переведена на английский язык и опубликована в журнале "The Orthodox Monitor" (Washington, Jan. — June 1981) под названием — "The Russian Orthodox Church in the USSR: 1977—1979". Статья, печатающаяся в этом номере "Голоса Зарубежья", является логическим продолжением всего перечисленного выше.

"Религия — это преступление..."

Начало восьмидесятых годов не внесло почти ничего нового в вялую, рутинную политику власти в отношении религии. Отдельные нюансы этой политики представляли из себя лишь своего рода вибрации богоборчества, связанные с неуверенностью руководителей государственного атеизма в СССР в правильности и устойчивости проводимого ими курса.

С момента прихода к власти нового генсека на религиозном фронте в СССР наступило некоторое затишье. Это затишье ничего хорошего не предвещало и не означало изменений в богоборческом курсе партии. Оно означало

лишь некоторую заминку, связанную с ожиданием новых установок в борьбе с религией и с Церковью в частности. Ожидания перемен на религиозном фронте были не напрасны. Где-то наверху складывалось новое представление о значении религиозной войны, которую верующий многомиллионный народ ведет десятилетиями со своей "родной и любимой" властью. Представление это, надо полагать, явилось не плодом каких-либо специальных размышлений, а результатом реального знания о происходящем на религиозном фронте, которым располагали представители КГБ, до-

равнявшиеся до высшей власти в стране. По всей видимости, они лучше понимали значение для страны религиозного движения сопротивления, чем другие номенклатурные функционеры, не имевшие прямого отношения к данной проблеме. Во всяком случае, до Андропова никто не объявлял религиоведение **актуальнейшим направлением общественной науки**.

В "Беседах об атеистическом наследии Маркса", опубликованных в первой половине 1983 года*, мы находим следующие изумительные строки, которые едва ли могли раньше появиться на страницах ведущего антирелигиозного журнала:

"Сегодня исследователи социально-политических проблем, даже профессионально не занимающиеся религией, все категоричнее подчеркивают, что без систематического исследования **"религиозного фактора"** невозможно понять и предсказать многие **важнейшие процессы современной международной жизни**. Изучение социальной роли религии и церкви в современном мире стало **актуальнейшим направлением общественной науки**". Впервые за все время существования коммунистической диктатуры в СССР религия официально признана **существенным фактором, влияющим на процессы современной международной жизни**. В этой констатации ничего хорошего для религиозной жизни в СССР не предвидится. Положение совершенно бесспорное, но весьма одностороннее. Одностороннее потому, что воздействие религии на международную политику является побочной и третьестепенной ролью. Но откуда же появился этот новый советский тезис, который практически весьма скажется на положении на религиозном фронте в СССР? Тезис — прагматичный от начала до конца, сформировавшийся под влиянием следующих моментов: 1) религиозного движения сопротивления в СССР, с которым власть не может справиться в продолжение десятилетий и которое достаточно хорошо известно на Западе; 2) деятельности польской Католической Церкви, реально показавшей некоторую часть тех возможностей, которыми она обладает в области политической жизни; 3) афганского движения сопротивления оккупантам, носящего характер религиозной, священной войны; 4) широкой миротворческой деятельности Московской патриархии, выразившейся в последние годы в ряде конференций религиозных деятелей, поддержавших "миролюбивую позицию советской власти".

Москва признает злободневность задачи изучения **"религиозного фактора"** в системе важнейших процессов современной международной жизни. Такова реальность, вставшая на повестку дня к началу 1983 года. Выдвигая

новый тезис и давая зеленый свет для его распространения, генсек одновременно обязал центральный атеистический синклит развить это положение и мотивировать его существенными предпосылками. Эту задачу и начала выполнять советская печать.

Одновременно, и в развитие уже достигнутого, на страницах антирелигиозных изданий ставится еще один существенный вопрос, являющийся своего рода "артиллерийской подготовкой" к надвигающимся новым ожесточенным боям на религиозном фронте. Речь шла о выработке правильного методологического подхода к решению проблемы соотношения культуры, религии и атеизма. Оказывается, в советской литературе высказываются по данному вопросу неоднозначные суждения. Атеисты ссылаются на развернувшуюся в 1982 г. полемику в "Литературной газете": что именно следует считать культурой в духовной жизни современного общества? Но при чем здесь религия? А при том, что атеистов в данное время интересует проблема: **можно ли считать религию элементом духовной жизни общества или это псевдокультура, больная нарост на ней?** Данный вопрос ставится тоже в первый раз в такой форме в советской атеистической литературе. Ответ на него дается абсолютно и безоговорочно отрицательный: религия не является элементом духовной культуры, не входит в состав национального или общечеловеческого культурного наследия и подлежит преодолению в ходе строительства коммунистического общества*.

Практика богоборчества подтверждает все эти "теоретические предпосылки". В середине 1983 г. в западный мир из Москвы поступил самиздатский документ под названием — "Всем христианам всего мира — информационное сообщение"***. В нем мы читаем следующие, в высшей степени показательные строки:

"В Советском Союзе вслед за переменами, происшедшими в советском руководстве, последовало **ужесточение политики государства по отношению к религии**. Имеется в виду проведение обысков в домах верующих, во время которых изымалась религиозная литература, многочисленные допросы верующих и препятствия, чинимые властями проведению молитвенных встреч в домах верующих. Все эти действия затрагивают христиан различных исповеданий, как баптистов и пятидесятников, так и православных, и католиков. Указанные дей-

*"Наука и религия". Москва, №4, 1983, стр. 30.

***"Религия и атеизм в СССР". Ежемесячный обзор. Мюнхен, № 8-9, август-сентябрь 1983, стр. 7. Выделения в тексте даны нами. Факты, сообщенные в нем, являются великолепной иллюстрацией к происходящему на религиозном фронте.

*"Наука и религия". Москва, №4, 1983, стр. 24.

ствия представляют собой не отдельные случайные события, а являются частью **общегосударственной кампании по подавлению религиозной активности**, неугодной партийному руководству... Вероятно, именно такая установка позволила одному из следователей во время допроса верующего заявить: **"Религия — это преступление, которое мы терпим лишь до поры до времени!"**

В многочисленных статьях в советской печати, посвященных религиозному вопросу, проводится та же достаточно жесткая линия.

Выбравшийся из СССР член Комитета защиты прав верующих В. И. Щеглов в своем интервью газете "Русская Мысль"* подтверждает высказанные выше соображения о нынешнем положении религии в СССР. "Усилились репрессии против католиков, а в Православной Церкви все большее и большее влияние имеет Комитет по делам религии, т. е., по существу, Церковь находится полностью в руках атеистического государства". В связи с этим новые члены указанного выше Комитета находятся как бы в подполье. Их имена не оглашаются во избежание при нынешней обстановке неизбежных репрессий. В. И. Щеглов считает положение РПЦ трагическим. Православная иерархия находится полностью в руках номенклатурных атеистов. Церковь лишена даже той, более чем относительной, свободы, которая усиленно рекламируется нынешними воинствующими богоборцами. Идет, по существу, война на уничтожение Церкви. С подобного рода свидетельствами нельзя не считаться, даже если в них не включен поправочный коэффициент на особенности индивидуального восприятия свидетеля происходящего.

При таком положении более чем удивительными становятся иные, оптимистические иллюзии, высказываемые на страницах зарубежных изданий. Мы имеем в виду недавно появившуюся работу Н. Алексеева "Плененная Церковь", говорящую о современной церковной ситуации в СССР**. Работа Н. Алексеева посвящена подробному анализу книги В. А. Куроедова — "Религия и Церковь в советском государстве"***, выпущенной в 1981 г. сто тысячным тиражом. Надо сказать, что автор

*"Русская мысль", Париж, 4 августа 1983, №3476.

**Николай Алексеев. "Плененная Церковь". "Вестник Русского Христианского движения". Париж — Нью-Йорк — Москва. №139, 1983, стр. 222—276. Название статьи повторяет название книги Г. А. Рара, выпущенной "Посевом" в 1954 г.

***В. А. Куроедов. "Религия и церковь в советском государстве". Москва, изд-во политической литературы, 1981, стр. 264.

дал исключительно глубокий и правильный анализ этой книги, но одновременно впал в несомненный "соблазн", не устояв перед некоторыми демагогическими посулами советского министра. Книжка В. Куроедова — это догматический катехизис советской власти, вернее, та его глава, которая посвящена положению религии в стране. Основная цель книги — оправдать политику власти в области религии не столько перед своими согражданами, сколько перед западным общественным мнением. Книжка В. Куроедова повторяет почти все то, что говорилось и писалось в СССР по поводу взаимоотношений власти с религией. Никакого тактического отступления от генеральной линии КПСС в области религии в этой книге, вопреки мнению Н. Алексеева, нет. Наоборот, там идет окончательное и капитальное закрепление на уже занятых позициях. Дается "решительный и последний" бой религиозному движению сопротивления. Последовавший постепенный разгром открытого диссидентства, а в том числе и религиозного, полностью подтверждает сказанное. Н. Алексеев дает подробный разбор этого "труда" Куроедова. Его выводы во многих случаях абсолютно правильны. Его теория советской "квазимифологии" неопровержима. Его характеристики отдельных тезисов книги не вызывают сомнения. Но одновременно с этим Н. Алексеев придает большое значение лживому признанию советской государственностью необходимости соблюдать ею самую законодательство о религиозных культах. Эти заявления сделаны В. Куроедовым на семи последних страницах книги, и вот этим лжепризнанием, к нашему удивлению, автор анализа придает большое значение. Указание советского "овер-прокурора" о том, что возглавляемый им Совет образован в целях последовательного неукоснительного выполнения конституционных требований о свободе совести, рассматривается Н. Алексеевым положительно. Деятельность Совета, по мнению Куроедова, является одной из важных гарантий обеспечения свободы совести в СССР. Вся эта дикая патологическая ложь принимается автором обзора как нечто положительное. По мнению Алексеева, тот факт, что председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР В. А. Куроедов в одной из центральных коммунистических газет опубликовал огромное интервью, именуемое "Равны перед законом", главной идеей и лейтмотивом которого являются его слова: "Еще раз подчеркну: перед законом у нас равны и верующие, и неверующие", — факт абсолютно невозможный еще десять лет назад*.

*Вестник, стр. 275.

Факт абсолютно возможный и десять, и пятнадцать лет назад. Такие заявления **неоднократно находили место на страницах советской печати в продолжение всего послевоенного времени.** Нового в этом ничего нет, и нас удивляет позиция Н. Алексеева, отнюдь не склонного к вере в советскую мифологию. А между тем он пишет в своем обзоре: "Несмотря на то, что верующие люди в нашей стране до сих пор живут в условиях апартеида, мы можем с известным удовлетворением констатировать, что советская государственность в каком-то смысле "пришла в себя" и в отношении к Церкви и верующим, **сменила волюнтаристский и авантюристский подход на гораздо более реалистический**"*. К сожалению, этого не случилось, и выводы автора статьи в ВРХД являются несомненной мифологией, носящей какой-то странный наивный характер. Факты, сообщаемые из СССР, отнюдь не подтверждают оптимистических формулировок Н. Алексеева.

Недавно в зарубежной периодике была опубликована статья И. Белоусовича "Русская Православная Церковь в СССР"**. Статья написана несколько хаотично и сообщает многое из того, что давно известно на Западе, но одновременно она также отмечает продолжающийся курс власти в направлении, отнюдь не похожем на какой бы то ни было "реализм".

Журнал "Наука и религия"***, посвящая свои страницы июньскому пленуму ЦК КПСС, пишет: "Пленум ЦК КПСС уделил серьезное внимание формированию у **всех советских людей научного материалистического мировоззрения, атеистических убеждений**". В постановлении пленума сказано так: "Необходимо активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов среди населения, уделять больше внимания атеистическому воспитанию. **Шире** вовлекать верующих в общественную жизнь, **настойчивее** внедрять советскую обрядность" (выделено нами. — Д. К.). Пленум предупреждает советских атеистов об идеологической опасности, исходящей от различных зарубежных центров, распространяющих "измышления" о положении религии в СССР, призывает к борьбе с "религиозными экстремистами", весьма беспокоится о **религиозности, связанной с националистической направленностью.** Это последнее положение приобрело сейчас едва ли не ведущее значение. Власть поняла огромную опасность и несокрушимость в российских условиях сочетания религии с национализмом. **Религиозный национализм** — одно из главных явлений, развившихся на религиозном фронте в СССР в первой половине

восемидесятых годов, был воспринят властью как одно из опаснейших "уклонений" от идеологического стандарта диктатуры*. Власть призывает в связи со всем сказанным обратить особое внимание на верующих и приступить к переоценке отдельных исторических событий и лиц, у которых в последние годы проявились "богоискательские мотивы", а также приступить к "доверительному, откровенному и аргументированному разговору" с людьми на мировоззренческие темы**.

В зарубежной прессе тоже отмечаются признаки нового усиления борьбы с религией, начавшегося приблизительно в начале 1982 г. Если в середине 1982 г. еще не было достаточно ясно, какие именно круги стоят за новым походом против религии, то с приходом Андропова "все стало на свои места". При нем началась яростная борьба с национально-религиозными кругами, отмеченная в ряде партийных документов и выступлений, объявленная основным направлением идеологической борьбы. Были даны директивы об усилении атеистической пропаганды, при райкомах, горкомах и обкомах КПСС организованы атеистические советы, координирующие всю атеистическую работу. Едва ли не по всей стране организуются агиткультбригады, народные университеты, лектории по "научному" атеизму, передвижные атеистические клубы и агитпоезда, проводятся декады и недели так называемого научного атеизма и многое другое. По всей видимости, планируется превращение ряда "культовых зданий" в атеистические музеи. На проведение всех этих мероприятий выделены большие деньги. Начинаясь и уже развернувшиеся андроповские гонения на Церковь отличаются от хрущевских тем, что **проводятся под знаком усиления борьбы против национально-религиозного самосознания.**

Андроповские операции на религиозном фронте ведутся при мизерном количестве открытых православных храмов. Если для семидесятых годов мы давали цифру в 4.000 — 4.500 открытых церквей и часовен, то на пер-

*Подробнее об этом см. "Посев", Франкфурт/Майн, №10, 1983, стр. 13-14.

**Вопреки классической богословской установке, утверждающей принцип христианского космополитизма, теоретически совершенно правильного и отрицательно относящегося к религиозному национализму, прагматически последний имеет в российских условиях исключительное значение, и от него никогда не отказывались святители и преподобные Церкви Российской; достаточно вспомнить деятельность преп. Сергия Радонежского, митрополита Филиппа Московского, патриарха Гермогена и даже патриарха Тихона. Об этом в некоторых церковных кругах считается "хорошим тоном" забывать в плане своеобразного русофобства.

*"Вестник", стр. 276.

**"Новый журнал". Нью-Йорк, кн. 151, 1983, стр. 255-272.

***"Наука и религия". Москва, №8, 1983, стр. 2.

вую половину восьмидесятых годов мы даем цифру в 3.000 — 3.500 открытых православных храмов. Всякого рода другие цифры, сообщаемые в зарубежной, а особенно в советской печати, являются неверными. В советских информациях лживыми и дутыми, в зарубежной и западной печати часто дилетантскими, непродуманными, не проверенными в надлежащих источниках, самоуверенно преподносимыми как, например, последнее слово "всем известного" публициста или писателя, или только что прибывшего "оттуда", хотя последний никогда всерьез этим вопросом не занимался. Стараниями вновь прибывших из СССР написано и наговорено по данному вопросу достаточное количество глупостей.

Давая суммарную цифру открытых храмов, мы имеем в виду все три категории православных церквей в СССР. В первую группу входят полноценные действующие приходы, имеющие постоянный причт. Во вторую группу входят церкви, не имеющие своего постоянного священника. Богослужения совершает регулярно священник, приезжающий на приход два-три раза в месяц и обслуживающий два, а иногда и три прихода. К третьей группе относятся формально не закрытые еще церкви, но в которых богослужение не совершается из-за отсутствия священника. Священника нет или из-за недостатка духовенства, а чаще всего потому, что местный уполномоченный совета по делам религий под всякими предлогами или не дает священнику регистрации, или не допускает его до совершения отдельных богослужений. Третья категория храмов — кандидаты на закрытие их. Власть этой группой церквей очень дорожит, так как неиспользование храмов по прямому назначению является отличным поводом для их закрытия.

Сейчас в СССР имеется приблизительно 1.000 православных храмов третьей категории. Из этого можно сделать соответствующие выводы, а не отделяться ссылкой на отсутствие статистических данных, как это делают представители Московской патриархии, когда им задают вопрос о том, сколько открытых храмов имеет РПЦ.

Беспокойная молодежь

Тучи над верующим народом в СССР стали собираться еще в 1981 году, и тогда же центральная московская печать выдвинула на одно из первых мест проблему религиозной молодежи. Проблема для власти убийственная и тяжелая. Московские "Известия" задали совсем не оригинальный вопрос: что происходит с религией в СССР? И, отвечая на этот несколько необычный вопрос, "Известия" касаются специально проблемы верующей молодежи*.

Редакция московской газеты считает, что развитое социалистическое общество должно быть абсолютно свободно от "религиозных предрассудков". Однако, по мнению "Известий", в стране имеется "немало людей", не склонных в духовном отношении идти по пути пресловутого научно-материалистического мировоззрения. Газета вынуждена особо констатировать, что в православных и других церквях, особенно в молитвенных домах протестантов, на богослужениях можно увидеть много молодежи. Ни эта констатация, ни новые жалобы на усиливающуюся "моду" венчаться в церкви, крестить детей и носить нательные кресты — нас несколько не удивляют. Все эти явления, развернувшиеся до внушительных размеров в семидесятые годы, несколько придавленные властью в конце этого периода, получили дальнейшее развитие в начале нынешнего десятилетия*. "Мода" не прошла, а начала разрастаться. Один из читателей московской газеты называет верующую молодежь дворушнической...

Чем можно объяснить все эти непонятные явления? — спрашивает советская газета и тут же отвечает: во всяком случае, не религиозным возрождением страны. Религиозное возрождение страны — это один из кошмаров советской власти, хотя о нем, во всем объеме этого понятия, никто сейчас и не говорит. Имеются реальные предпосылки для этого, но и только. По официальному мнению представителей диктатуры, занимающихся религиозным фронтом борьбы, религиозное возрождение — это лишь "штучки буржуазно-клерикальной пропаганды Запада" и ничего более. На самом деле, как утверждает московская газета, явления, свидетельствующие о новом оживлении религиозных влияний (последнее они все же признают), говорят лишь об одном. Процесс преодоления религии в социалистическом обществе является не прямолинейным, а сложным и противоречивым. Особенно противоречивы данные явления, **взятые в отношении советской молодежи**. Живучесть "религиозных предрассудков" у этой категории советского общества проявляется, прежде всего, в совершении таинства крещения. Крещения, венчания, участие в церковной жизни являются для власти по-прежнему весьма серьезной проблемой религиозного фронта борьбы. Не пора ли принимать меры? — иносказательно звучит сегодня со страниц советской печати. Без "мер" в начале восьмидесятых годов обойтись стало трудно. Огонь по "дворушникам" начинают вести "прямой наводкой".

Регент Свято-Покровской церкви храма на Соломенке в городе Киеве, священник о. Ви-

*См. также: Прот. Д. Константинов. "Брежневские гонения". "Новое Русское Слово", Нью-Йорк, 5 февраля 1981, № 25.424, стр. 2.

*"Известия", 9 октября 1981.

талий Бойко, организовал хор исключительно из верующей молодежи, желавшей научиться церковному пению и принимать участие в богослужении. В хоре состояло тридцать человек. Он стал одним из лучших церковных хоров в городе. Уполномоченный совета по делам религии по Киеву и Киевской области потребовал от "двадцатки" храма немедленно распустить хор. К храму однажды подъехали машины, и люди в штатском, вместе с церковным старостой, поднялись на хоры, где и потребовали у певчих паспорта. Некоторые, у которых паспорта были при себе, предъявили их. Несмотря на это, приехавшие начали выгонять молодежь из храма. В течение месяца (август — сентябрь) каждый день приезжали машины, и находившиеся в них перекрывали ход на хоры, у подымающихся туда требовали паспорта, не допускали молодых певчих. С о. Виталием, организовавшим хор, немедленно расторгли договор. Случай этот относится ко второй половине 1981 года и был опубликован в самиздате. Преследований молодежи за религиозность вполне достаточно. В апреле 1983 г. с третьего курса Алтайского политехнического института (г. Барнаул) за активное участие в церковной жизни исключен студент А. Г. Варкентин и немедленно призван в армию. Подобные и аналогичные случаи далеко не единичны.

Советская печать в данное время также утверждает, что среди "некоторой" части молодежи стало признаком хорошего тона иметь в квартире вместо картины или эстампа икону, носить позолоченный крестик в качестве украшения. Резко возросла тяга к посещению памятников старины, носящих культовый характер. Большой интерес проявляется к научной литературе о русской иконописи, церковной архитектуре и церковной музыке. Власть довольно решительно выступает против религиозной молодежи. Верующая молодежь не менее решительно дает власти ответ в доступном для нее виде. Интерес студентов к исторической тематике, взятой в не устраивающем власть виде, в том числе и в плане религиозном, стал неусыпной заботой многих руководителей гуманитарных вузов. Продолжается нелегальное религиозное просвещение молодежи, жестоко преследуемое властью.

Верующая молодежь нуждается в духовной литературе, которой ей не дают не только в СССР, но даже и в Польше. Передо мной письмо, полученное из восточной части Польши в районе Белостока.

"Здравствуйте! Меня зовут... Мне двадцать лет, и живу я в деревне... У нас имеются две православные церкви и много православных людей. Но у нас имеются трудности с книгами на духовные темы. Мне прислали недавно "Духовные микробеседы", которые меня очень заинтересовали. Поэтому моя крепкая

просьба к Вам. Если можете, то пришлите мне последующие номера "Духовных микробесед", а также книги на духовные темы"*.

Аналогичные просьбы идут и из СССР, но только там дело сложнее: власть своими действиями стремится прекратить поступление духовной литературы из стран Запада.

Власть всячески стремится дискредитировать религиозные искания молодежи. Советский писатель Артур Макаров в одном из своих произведений приводит следующий своеобразный монолог, подкрепляющий нынешнюю официальную позицию правительственных атеистов**. Один из участников беседы утверждает: на Руси никогда не было крепкой веры. Другой возражает: "Насчет религии ты не прав. И верили и верят". На это первый насмешливо спрашивает: "Да кто? Патлатые мальчики с крестами? Наши с тобой приятели, иконы собирая?" Стремление изобразить нынешнюю верующую молодежь в виде "патлатых мальчиков", надевающих крест ради "моды", или собиравателей икон для продажи, стало обычным в советских антирелигиозных изданиях. Но наряду с этим в тех же изданиях мы слышим удивленные возгласы о том, что вузовская молодежь проявляет умеренный интерес к церковному искусству, а также к классической музыке, связанной с Церковью.

При крещении детей по-прежнему и ожесточенно записывают паспортные данные как родителей, так и крестных. Известен случай, когда человеку было отказано в туристической поездке за границу единственно потому, что он был крестным у сына своих друзей.

Радиопередачи о воспитании детей и для детей сообщают, что дети верующих родителей должны воспитываться в интернатах, а пионеры обязаны проводить разъяснительную работу среди своих верующих родителей. Пионеры также должны выявлять детей-верующих. Власть начинает замахиваться на ею же разрешенное по закону домашнее религиозное воспитание.

Около одной из школ (видимо, в г. Киеве) на улице была разлита ртуть. Занятия были сорваны. Почему ртуть оказалась на улице, около школы, никто не знал. Но сразу же были распространены слухи, что ртуть умышленно разлили две девочки — племянницы священнослужителя Владимирского собора. Одна из девочек — ученица восьмого класса, другая — младшеклассница. В другой школе

* В письме сознательно опущены имя отправителя и название деревни, в которой отправитель проживает. "Микробеседы" — это специальные издания, печатающиеся для отправки на ту сторону, религиозные беседы для народа.

** Артур Макаров. "Много дней без дождя". Москва, "Московский рабочий", 1982, стр. 188.

детей информировали по-другому: "Баптисты разлили ртуть, чтобы вы не могли учиться". Очевидно, "информации" выдумывались в соответствии с "местной обстановкой"*.

Молодежь более старшего возраста ищет мировоззренческих устоев. В присланных письмах она пишет: "Наше образование, полученное в советских школах и вузах, не ответило на наше беспокойство и не помогло отыскать причину зол и бедствий". Часть взрослой молодежи, пришедшей к вере, толкует о необходимости "реформы" Церкви, так как в ней они видят одну обрядность. В этом случае они не понимают, да и не могут пока в этих условиях понять, что богослужение, литургия в настоящем церковном сознании, в понимании св. отцов, всегда была и есть живая и жизненная философия православия, т. е. исповедание в гимнографии, иконах, священнодействиях и во всем вообще быте церковном всего того, во что Церковь верует и символически в догматах веру воплощает. Речь идет в данном случае о литургическом богословии, не менее важном, чем теоретическое богословие, и в наших условиях даже более существенном**.

Верующий народ

Нам пишут из Калуги... "Мир вам, дорогие братья! Приветствую вас любовью нашего Господа. Пишу Вам из Калуги. Узок путь и дальний для письма, но будем надеяться, что оно до вас дойдет... Недавно в наши руки попали микробеседы ваши, зачитали, долго беседовали о них. Бережем и передаем дальше. Славим Бога, что Его живое слово живет, распространяется, действует, призывает к покаянию. Мы молимся о вас и благодарим Бога за ваш труд на Его ниве. Мы очень желаем, чтобы наши связи поддерживались всеми возможными путями. Будем рады получать микробеседы и любую другую духовную литературу..."

Письма такого рода не единичны. Об этом хорошо известно из зарубежных изданий. Верующих в СССР много, и о том, сколько их, — ведутся долгие и в общем ненужные споры. Речь идет сейчас о десятках миллионов верующих, количество которых, к удивлению и огорчению власти, не уменьшается, а постепенно увеличивается. Речь идет о цифре от 50 до 70 миллионов людей. Недаром К. Черненко в докладе, прочитанном 14 июня 1983 года на пленуме ЦК КПСС, отметил: "Под влиянием религии еще остается часть людей и часть, прямо скажем, не такая уж малая". Признание в

общем соответствующее действительности*. Но, констатируя данный неопровержимый факт, власть ведет ожесточенную борьбу с верующими. Перечень обысков, арестов, всякого рода изъятий религиозной литературы, судов над верующими неуклонно и очень быстро стал расти. Страницы, содержащие эти сведения, в тех зарубежных изданиях, которые дают их, стали численно увеличиваться. Явление, характерное для первой половины восьмидесятых годов.

14 октября, в праздник Покрова, в киевский Покровский женский монастырь во время традиционной праздничной трапезы для мирян и странников, пришла милиция. Был составлен акт о каких-то "административных нарушениях". Настоятельница монастыря часто подвергают административным взысканиям, грозят удалить из монастыря. По ночам милиция вламывается в монастырь, ходит по кельям, проверяет, нет ли в монастыре заночевавших богомольцев. Какое, в сущности, дело милиции до того, ночуют ли в монастыре странники и богомольцы, — остается секретом советской власти**. Впрочем, для взламываний и слежки у власти имеются "серьезные" основания. Диктатура сейчас панически боится всякого рода духовной литературы и всеми доступными ей способами стремится изъять ее у верующих. Но так как религиозно-философские издания и чисто духовная литература проникают с Запада, а кроме того, понемногу легально и нелегально все же печатаются в СССР, то, в общем, идет борьба власти с ветряными мельницами. Власть изымает книги, газеты, журналы, входящие с Запада, а духовные закрома верующих снова наполняются новыми изданиями. Сведения об обысках у верующих неизменно свидетельствуют об изъятии религиозной литературы, независимо от того, где и когда она была издана.

В декабре 1982 г. закончился суд над группой православных христиан, арестованных весной за размножение религиозной литературы, в основном богослужебных изданий Московской патриархии, нехватка которых остро чувствуется во всех приходах. Книги распространялись за деньги, предназначенные для покрытия типографских расходов. Тиражи были невелики, но распространение шло в основном через священников. Хотя издания эти были разрешены властью, тем не менее, КГБ начал обыски для изъятия этих книг. У многих священников были произведены обыски. Священник о. Валерий Суслов, живущий в Москве и служащий в Калуге, после обыска был помещен на десять дней в психбольницу. Издания

* "Посев". Франкфурт/Майн, №1, 1983, стр. 11.

** См. также: проф. архимандрит Киприан. Евхаристия. Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1947. Кстати, отметим: в 1915 г. Церковь имела 38138 церковноприходских школ, в которых обучалось свыше двух миллионов детей.

*** "Коммунист". Москва, №9, 1983, стр. 35.

**** "Хроника текущих событий" №63. Москва, Самиздат, 1981. Переиздано: Нью-Йорк, изд. -во "Хроника", 1983, стр. 113.

Московской патриархии распространялись также и через активных верующих, не усматривающих никакого криминала в распространении официальных изданий патриархии. Тем не менее, по обвинению в "занятии запрещенным промыслом" были приговорены к различным срокам пять распространителей, получивших срок от трех до четырех лет заключения. История скандальная, но к подобного рода скандалчикам власть привыкла и не смущается ими.

По сообщениям прессы, на заводе Московской патриархии в Софрино, где изготавливается церковная утварь, крестики, иконы (главным образом бумажные)*, по устному распоряжению властей, не рекомендуется и даже фактически запрещается делать бумажные и деревянные иконы с каноничным и эстетичным изображением, так как они оказывают сильное действие в смысле пробуждения религиозного чувства. Что именно разрешается — неясно, так как написанные художниками иконы в порядке частной инициативы тоже запрещаются и подпадают под статью 162 Уголовного кодекса РСФСР — занятие запрещенным промыслом. В соответствии с существующим законодательством, на территории СССР разрешается занятие всеми видами кустарно-ремесленных промыслов, кроме промыслов, запрещенных законом. Пункт "Л" напоминает, что запрещено изготовление свечей, икон и церковной утвари.

Во многих домах в СССР висят сейчас иконы. Ничего поделать власть с этим явлением не может. Иконы естественно становятся областью "законных" интересов антирелигиозной пропаганды. Иконы — объект, выражающий религиозные устремления верующей части населения страны. Поэтому в последнее время на страницах многих антирелигиозных периодических изданий стали печататься материалы о всякого рода преступлениях, связанных с иконами. Иконы, конечно, могут быть объектом преступлений совершенно так же, как и всякие другие церковные предметы и ценности. Это уже совершенно другая область, мало связанная с религиозными верованиями и совсем не входящая в компетенцию антирелигиозной пропаганды. Но тогда возникает вопрос: для чего советская печать представляет место подобного рода историям, с подробным описанием уголовных историй, связанных с хищениями и спекуляциями иконами? Все почти без исключения известные нам слу-

чай подобного рода никаких религиозных мотивов под собой не имеют. Для чего же было о них печатать пространные репортажи и смаковать отдельные подробности? Делается это с одной-единственной целью: дискредитировать православных верующих и показать, что иконы являются для них не только предметом почитания ("честь бо иконы на Первообразное восходит"), но служат также для наживы и спекуляции. А кто этим занимается — не так уже и важно; существенно другое — дискредитация верующих. Уголовные "иконные истории", печатающиеся, например, на страницах антирелигиозного московского журнала, являются одним из замаскированных новейших методов атеистической пропаганды*. Таким целям, несомненно, служит и занятая история, рассказанная журналом "Наука и религия"***. Во время работ в подвале одного из домов в латвийском городе Лудзе была обнаружена среди разного подвального хлама позолоченная чаша, украденная в свое время из костела в деревне Стыгглово Лудзенского района Латвийской ССР. В этой детективной "повести" действующими лицами являются, по видимому, православные, активно разворачивающие ее весьма напряженное действие. Здесь и чаша, и древние образа Божией Матери и святителя Николая Чудотворца, и украденные из церквей деньги, и прочий "реквизит", довольно неумело взятый напрокат. Многое в этой уголовной повести остается неясным и недоговоренным. Но печатается она для дискредитации верующих, в первую очередь наиболее активных из них, принимающих участие в движении сопротивления антирелигиозной политике власти. Об этом движении антирелигиозники говорят, что они никогда его не видели и оно является лишь выдумкой западных клерикалов-антикоммунистов. Движение это стихийное, народное, не облеченное в какие-то организационные формы, но повсеместное и несдающееся, строящееся на личной инициативе верующих. В связи с этим следует заметить, что в уголовных историях, связанных с иконами, имеется очень интересная деталь, не замеченная нашими специалистами по церковным вопросам. Речь идет не только о попытке изобрести новый пропагандный трюк временного действия, чтобы оклеветать верующих, но и о попытке "запутать следы", т. е. неизвестна другая, возможная сторона подобного рода историй. Быть может, наряду с уголовными делами, совершаемыми преступниками, случаются, очевидно, и дела иного по-

* "Русская Мысль", Париж, 10 февраля 1983, стр. 7. В связи с этим сообщением следует напомнить: в дореволюционное время Святейший Синод РПЦ тоже рекомендовал печатание бумажных икон, исходя из тех соображений, что лучше иметь каноничную и художественно полноценную печатную икону, чем вольное творчество т. н. "богомазов".

* См. например: Прот. Д. Константинов. "Лики пошлости". "Новое Русское Слово", Нью-Йорк, 23 октября 1982, №25.960, стр. 3; его же: "Война идет", НРС, 12 июня 1982, №25.846, стр. 5; его же "Дело №165", НРС, 31 июля 1980, стр. 3.

*** "Наука и религия". Москва, №2, 1982, стр. 34.

рядка. Мы знаем случаи, когда из насильственно закрываемых храмов, вопреки требованиям и запретам власти, **верующие тайно спасали наиболее чтимые ими иконы, предметы, употребляемые при богослужении, и т. п.** А власть нарочно и коварно сваливает воров и грабителей в одну кучу с верующими, действующими иными методами и с принципиально другими целями.

По данным Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, относящимся к 1983 г., в тюрьмах, лагерях и спецпсихбольницах находится в настоящее время около трехсот верующих всех вероисповеданий, в том числе священник о. Глеб Якунин и член Католического комитета защиты прав верующих священник Альфонсас Сваринскас. Мы думаем, что эти данные Комитета несколько занижены и верующих, лишенных свободы и "на тяжких работах сущих", гораздо больше. Триста человек — это то, что мы знаем. А сколько их, о которых ни мы, ни Комитет не знаем? Двадцать тысяч христиан-пятидесятников добиваются выезда из СССР, т. к. власти не дают им возможности жить в соответствии с их представлениями о христианской жизни, т. е. воспитывать в вере своих детей, помогать единоверцам, собираться на общие молитвы и трапезы. Сейчас антирелигиозная пропаганда начинается едва ли не с детских ясель, т. е. с трех лет, и навязывается потом до конца жизни (в школе, в институтах, на работе, в агитпунктах для пенсионеров), и от лекций никто не имеет права отказаться. Еще более жестко запрещается любая религиозная деятельность вне разрешенных властью церквей и молитвенных домов. В начале июля 1983 г. в Москве были арестованы лица, собравшиеся на молитву в частном доме. О верующих и их деятельности распространяются по радио, телевидению, с помощью печати самые нелепые клеветнические измышления с целью вызвать у неверующей и необразованной части населения ненависть к верующим. Известны случаи, когда подогреты лекцией и вином безбожники чинили расправу над верующими, поджигали дома, били стекла в окнах, избивали даже женщин и детей. В отношении верующих власти СССР **проводят открытую политику геноцида.** Верующие фактически и издевательски лишены многих гарантированных конституцией прав: на равноправный со всеми гражданами оплаченный труд, образование, отдых, медицинское обслуживание, жилье.

По мнению Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, яростное поведение власти в отношении религии сейчас связано с тем, что на пути постоянного и целенаправленного духовного и морального разложения народа в СССР **единственным серьезным и неснимаемым препятствием** внутри страны являются **религия и истинно верующие люди.** Они не

дают превратить всех граждан в аморфную, полуразложившуюся массу, которой легко управлять. Власть это отчетливо поняла и повела новые ожесточенные гонения на религию и, в частности, на РПЦ, которая, вопреки мнению некоторой части специалистов и "болевщиков", является наиболее крепким духовным бастионом, несмотря на то тяжелое положение, в котором она находится.

Именно поэтому власть продолжает поощрять бесчинства, направленные на разрушение РПЦ. Представление о том, что благоденствующая под покровительством диктатуры Московская патриархия своей молчаливой политикой полного подчинения ей определяет в какой-то степени пассивное отношение власти к РПЦ на местах, не соответствует действительности. Независимо от того, как поступает в тех или иных случаях Московская патриархия, власть стремится искоренить и испепелить все живые ростки духовного становления Церкви в стране.

В порядке дальнейшего разрушения РПЦ власти решили начать неизвестно для чего перепись всего богослужебного имущества и икон, представляющих музейную и антикварную ценность. Перепись должна быть осуществлена во всех православных приходах. Среди верующих высказывались предположения о возможном изъятии ряда ценностей для нужд государства. Сам факт принудительной переписи ценностей и икон в РПЦ, формально отделенной от государства и пользующейся вероисповедной "свободой", сочетаемой с формально объявленным принципом невмешательства во внутреннюю жизнь Церкви, говорит сам за себя.

В июле 1982 г. такая перепись начала проводиться в Сибири, в частности, в Новосибирской, Барнаульской и Томской областях. В одном из сельских храмов Новосибирской епархии ревизию проводил уполномоченный совета по делам религии в сопровождении молодой девушки, представившейся как искусствовед и фотограф. Священник этого прихода предложил явившейся комиссии с вопросами о церковном имуществе обратиться к старосте прихода. В то время, пока искали старосту, начал сбегать верующий народ, преимущественно женщины, которые с плачем уселись на паперти храма. Перепись была отложена на следующий день. На следующий день собралось столько народа, недвусмысленно показавшего свое отношение к переписи, что она была отложена на неопределенное время. Власть не хочет вступать в открытые бои с верующей частью своего населения.

В Свято-Троицкой церкви города Томска настоятель при приезде аналогичной комиссии уехал. В его отсутствие приехавшие учинили грубые бесчинства, выдирали иконы из киотов, хозяйничали в алтаре (среди них были

женщины). Во время происходившего в храм пришел второй священник, ветхий старик. Он, не испугавшись, в очень резких выражениях потребовал прекратить безобразия. После пререканий и угроз комиссия все же предпочла покинуть храм. Случаи не единичные, но свидетельствующие о несомненном обострении ситуации на религиозном фронте. Этого обострения власть не хочет, но желание задавить во что бы то ни стало религию заставляет ее делать все новые и не особенно удачные попытки.

Из Почаевской лавры сообщили, что за последние годы из монастыря было удалено около тридцати монахов без всякого для этого основания. Впрочем, основания были. Они заключались в осуждении деятельности наместника монастыря, ведущего несоответствующий образ жизни и слишком угодничающего перед властями.

Шамордино, Козельск, Оптиная пустынь — в мерзости запустения, с не подобающим этим религиозным и историческим ценностям использованием.

В 1982 году власти повторили свой очередной издевательский трюк над верующими, устроив в день Великой субботы, т. е. накануне Св. Пасхи, свой коммунистический субботник. Другой субботы, хронологически близкой ко дню рождения Ленина, не нашлось у кремлевских властителей.

Канун Св. Пасхи — Великая суббота — особенно почитается верующими людьми и посвящена не только хозяйственным приготовлениям к празднику, но и молитвенной тишине и миру, миру всеобъемлющему — святому дару, приносимому ко гробу Христа Спасителя. "Сия суббота есть преблагословенная, в ней же Христос уснув воскреснет тридневен" — возглашает Церковь в этот великий для нее день. И никакое уважающее себя правительство никогда не будет злобно и бессмысленно мешать христианам праздновать этот день, а особенно в стране православной. СССР, несмотря на все гонения на религию, несмотря на огромную правительственную антирелигиозную пропаганду, остается по признаку религиозному страной православной в том смысле, что Православие является по сей день религией верующего христианского большинства. В предыдущие годы власть находила более безобидные субботы для своего весеннего карнавала, в его скрытых глубинах направленного против Церкви и формально прикрываемого датой, связанной с днем рождения Ленина.

В 1982 г., видимо, отвечая на создавшееся неблагоприятное для Москвы международное положение и выражая свое недовольство происходящими событиями, "народная власть" снова нанесла удар по верующим, решив изгадить им канун Пасхи, и назначила именно на

этот день свой так называемый субботник. Советская власть решила не обращать внимания на международное общественное мнение, решила поиздеваться над частью своего собственного населения. Впрочем, что значат для советской власти подобные пустяки, если она с завидной легкостью умертвила почти триста пассажиров южнокорейского самолета? Субботник состоялся 17 апреля, накануне православной Пасхи, и был якобы проведен по инициативе москвичей, которую подхватили коллективы передовых предприятий страны. И хотя никто не верит в эту лживую легенду, тем не менее факт остается фактом, записанным в анналы страны.

Московская патриархия

Та далеко не веселая картина, которая нарисована нами выше, находит свое завершение на фоне окончательного закаменения церковной позиции Московской патриархии, а также возглавителей других христианских исповеданий и религий, пошедших на соглашение с властью. Никогда подхалимство и ложь не лились так обильно со страниц, например, "Журнала Московской патриархии", как в отмечаемый нами период. Никогда отпечаток обреченной и покорной лжи не лежал так, как сейчас, на лицах руководящих церковных деятелей в СССР, иерархов РПЦ, портреты которых печатаются постоянно в разрешенных властью церковных изданиях. В этих сумрачных дебрях фальшивой насквозь унии иногда пробиваются живые ростки духовного становления, но после скандальной истории с раскаянием некоторых религиозных диссидентов и особенно после окончательного разгрома легальной религиозной оппозиции, трудно и неосторожно было бы об этом говорить. Оппозиция ушла в подполье... Московская патриархия закусив удила ринулась по раз выбранному ею пути, стараясь добиться максимального эффекта от своего курса церковной политики. И в этом она видимо преуспела. Панихиды по умершему Брежневу явились венцом ее политики.

Панихида по активным богоборцам и атеистам является кощунством. Об этом мы уже писали на страницах зарубежной прессы*. Че-

*См. также: Прот. Д. Константинов. "Панихида по Брежневу". "Новое Русское Слово", Нью-Йорк, 25 мая 1983, стр. 3, №26.142. Наша точка зрения нашла подтверждение в "Окружном послании собора епископов Русской Православной Церкви за границей", опубликованном в журнале "Православная Русь", Джорданвилль, 14 октября 1983, №19 (1256), стр. 1—4. Панихида по Брежневу расценивается в нем как кощунство, как лицемерие и ложь. Нельзя служить панихиду по человеку и просить об его упокоении в Царстве Небесном, если он отрицал существование этого царства.

ловека отказался от Бога, избрал путь активного богоборчества. Активно и сознательно пошел на служение дьявольским силам, перешел на их сторону, стал в ряды их активных служителей. В церковных заупокойных службах имеются между прочим и следующие слова: "Упокой Твоих раб в селении избранных; они хотя и согрешили, но не отступили от Тебя". Эти слова имеют прямое и непосредственное отношение к происшедшему.

Брежнев умер уже достаточно давно. О его смерти можно было бы и не говорить. Но сопутствующие ей церковные обстоятельства, вплоть до речи патриарха Пимена перед панихидой в Богоявленском патриаршем соборе 14 ноября 1982 г., вполне заслуживают серьезного разговора в плане излагаемой нами темы. Патриарх Пимен с сонмом московского духовенства служил панихиду по верному служителю темных дьявольских сил. Такова "конституция" Московской патриархии и подчиненной ей Церкви, дарованная советской властью. Служение панихид по всем приходам во всех епархиях было, несомненно, "согласовано" с советом по делам религий, являясь великолепной иллюстрацией к происходящему.

"Ушел из жизни выдающийся государственный деятель современности — Леонид Ильич Брежнев" — таково начало речи патриарха. Мы читаем восторженный панегирик умершему вождю сатанинской секты, в котором перечисляются все его "высокие достоинства". Достаточно сказать, что с именем Брежнева связана яркая эпоха в жизни советского государства. Здесь и знаменитая миротворческая деятельность, приведшая к советским захватам едва ли не во всех уголках земного шара, здесь и борьба за предотвращение ядерной катастрофы, установление так называемых дружеских отношений с другими странами и народами. Вспомнил патриарх Пимен его "гениальную" сентенцию о праве человека на жизнь, что, однако, не помешало вождю без пощады уничтожать эти жизни в любом месте нашей планеты. Вспомнилась патриарху и брежневская конституция, говорил он и о "нормальной церковной жизни" РПЦ, о благожелательном отношении власти к Церкви и о многом другом. Вдохновенная ложь лилась из уст главы РПЦ*. Патриарх упомянул и о скорби чад РПЦ, разделяющих скорбь всего народа. А "Журнал Московской патриархии" подробно сообщил о соболезнованиях, выраженных видными религиозными деятелями на имя патриарха Пимена. Кто же эти видные религиозные деятели, выразившие соболезнования? Среди них патриарх Болгарский Максим, митропо-

лит Пражский Дорофей, патриарх-католикос Ассирийской церкви Востока, генеральный секретарь просоветской ХМК, член государственного совета ПНР Казимир Моравский, известный американский проповедник Билли Грэм. Другими словами, прислали соболезнования представители церквей и религиозных организаций, находящихся в полной зависимости от Московской патриархии, или представители тех кругов западного мира, которые по тем или иным соображениям заигрывают с Москвой. О соболезнованиях епархиальных архиереев и подчиненного им духовенства мы не говорим; как это делается, все превосходно знают.

Как уже упоминалось выше, по распоряжению патриархии по всей стране во всех открытых храмах в дни так называемого всенародного траура совершались панихиды. Из различных кругов советского общества до нас дошли сведения о весьма критическом отношении верующих к этому верноподданническому распоряжению церковных властей. Верующий народ, рядовое духовенство и патриархия — неоднозначны.

Не успели закончиться панихиды по Брежневу, как снова раздался голос патриарха Пимена, обратившегося с телеграммой к председателю Совета министров СССР Н. А. Тихонову в связи с празднованием 60-летия образования СССР и наступающим Новым годом. Патриарх от имени Синода, епископата, клира и мирян своей Церкви обратился к "глубокоуважаемому Николаю Александровичу" с поздравлениями и горячими пожеланиями "новых выдающихся успехов в осуществлении внутренней и внешней политики нашего государства...". Пимен настойчиво напомнил советскому сановнику о том, что церковные люди, "граждане и патриоты нашей великой Родины, с глубоким удовлетворением восприняли многие мирные инициативы, с которыми наше государство выступало в течение минувшего года и которые были направлены на сдерживание гонки вооружений и предотвращение угрозы ядерной войны, на утверждение международного мира, безопасности, доверия и сотрудничества между всеми народами Земли"**.

Но неповторимым шедевром лживой риторики является "Открытое послание патриарха Московского и всея Руси Пимена президенту США Р. Рейгену"***. В этом письме патриарх ничтоже сумняшеся обвиняет президента США во всех смертных грехах. Тон письма вообще

*Там же, стр. 7.

**Журнал Московской патриархии". М. №6, 1983, стр. 2—4. Послание к президенту Рэйгену когда-нибудь войдет в анналы церковной истории как предельный шедевр угодничества иерархии перед светской властью.

***Журнал Московской патриархии". М. №1, 1983. См. раздел "К кончине Леонида Ильича Брежнева", стр. 4—6.

не вполне церковный; видимо, к нему были приложены чьи-то чужие руки.

“С горечью в сердце и скорбью я прочел Ваши воинственные призывы, призывы, сеющие вражду и ненависть к моей родине, призывы, угрожающие миру во всем мире. Эти призывы тем более греховны, что облечены они в одеяния христианской морали”. Патриарх обвиняет президента Рэйгана в том, что он учит воевать против СССР, упрекает его в развязывании войны, утверждает несовместимость политики президента США с заповедью “Не убивай”. Эти обвинения бросаются президенту США и в его лице бесконечно миролюбивому американскому народу в то время, когда советская оккупационная армия в Афганистане, выполняя желание Москвы “ногою твердой стать у моря”, т. е. у Персидского залива, занимается физическим истреблением свободолюбивого афганского народа, применяя даже отравляющие вещества.

“Разве могут быть основания бросать камень в мою страну, — вопрошает патриарх, — судить и осуждать наше общество как “печальную и случайную главу в истории человечества”?” Неужели патриарх не имеет ни малейшего представления о том, что действительно происходит, не знает, что если даже какой-то “камень” и летит в направлении СССР, то он относится к власти, а никак не к народу? Даже при отсутствии объективной информации в стране, патриарх Пимен не может быть совершенно и безнадежно неосведомленным о всем происходящем. К сожалению, патриарх сознательно отклоняется от истины в угоду власти, окончательно захватившей Московскую патриархию в свои цепкие руки. В СССР фактически нет центрального церковного управления, а есть люди, что-то лепечущие о сохранении священного дара жизни, которое обеспечивается замораживанием ядерных вооружений. Сомнительно...

А в Заявлении конференции “круглого стола”, которую по приглашению РПЦ в начале марта 1983 г. провел в Москве рабочий президиум Всемирной конференции “Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы”, говорится о том, что замораживание ядерных вооружений — поворотный пункт: нравственный императив и экономическая необходимость. Формально все правильно, а по существу — издевательство над истиной, ибо все мы отлично знаем, что стоит за советским предложением о замораживании ядерных вооружений на существующем ныне уровне. Можно многое сказать по

данному вопросу, но едва ли в этом имеется смысл. Все ясно и без слов...

Вместо заключения

Какие же из всего сказанного можно сделать выводы? Вывод может быть только один. Проблему Церкви в СССР решит верующий народ, постепенно количественно возрастающий. Православный богослов прот. о. Георгий Флоровский когда-то писал: “XVI-ый век кончается почти повальным отступлением иерархии, отпадением в Унию... Вся тяжесть православной самозащиты падает на церковный народ. И в соборном творчестве крепнет церковное самосознание...”. Как это похоже на то, что происходит сейчас в СССР. Ни отдельные лица, ни группы религиозных диссидентов, ни гениальные одиночки никогда не смогут решить церковный вопрос в России. Решит его народное движение сопротивления, непрерывной струей текущее уже почти семьдесят лет. Тяготение к национально-религиозным ценностям в своем развитии захватывает теперь различные круги советского общества. История идет своими неотвратимыми шагами. Все крепче и крепче сочетается вера с национализмом. В СССР встречаются священнослужители, которые глубоко патриотичны и Русскую Православную Церковь считают неотъемлемой частью нации и страны. Тяга молодежи к Церкви также часто связана с поисками именно этих национальных ценностей. В России создается естественный синтез православного и национального.

Плененность и замкнутость церковного бытия, искусственно созданные властью, создают предпосылки для развития протестантизма. Последний всячески стимулируется Западом, который исходит из привычной ему идеи религиозного плюрализма и боязни Православия. Православие фиксируется в западном сознании как символ и реальный фактор великой, сильной, национальной России, которой он, пожалуй, больше боится, чем России коммунистической. В этих условиях судьбы Русской Православной Церкви будут промыслительно решаться силою народного сопротивления и теми не известными нам пока поворотами истории, в которых скажется Высшая Воля, перед которой должно будет преклониться человечество.

*Прот. Георгий Флоровский. “Пути русского богословия”. Второе издание. Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1981, стр. 31.

В. ПИРОЖКОВА

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИГИ

Книга, о которой мы хотим рассказать, необычна. Вернее, она написана незаурядным человеком. Ее название в двух словах выражает основную линию книги. Мы говорим о книге "Склонен к побегу" Юрия Ветохина, изданной в 1983 г. в США самим автором.

Об этой книге стоит поговорить. И мы именно хотим о ней поговорить с читателем не в виде обычной рецензии, которой бывают поставлены узкие рамки. Мы хотим познакомить читателя с этой книгой шире, но надеемся, что большинство не ограничится нашей статьей и прочтет всю книгу.

Особенность ее прежде всего в том, что она написана чрезвычайно целеустремленным человеком, и направление его целеустремленности было одно: к свободе. Как стрелка компаса во всех положениях указывает на север, так стрелка внутреннего компаса Ю. Ветохина направлялась неуклонно к свободе через препятствия и превратности, которые сломили бы многих других. Какими жалкими и незначительными представляются все идеологические осуждения тех, кто выезжает из Советского Союза, перед этой неутолимой жадой свободы!

Юрий Александрович Ветохин, инженер-электроник, жил в Советском Союзе нормальной жизнью советского гражданина, — если можно считать жизнь в Советском Союзе для кого бы то ни было нормальной. И именно потому, что эту жизнь нельзя назвать нормальной, Ветохин рвался из ее удушающих объятий. Дело не в стесненных материальных условиях. Для таких людей, как автор, это нетрудно перенести. Но страшная атмосфера лжи и несвободы, к счастью, еще для многих непереносима.

Пловец-марафонщик Ю. Ветохин решил уплыть по Черному морю к берегам Турции. Первый заплыв не удался. Неожиданный шторм отнес его совсем в другую сторону. Это было в 1963 г. Тогда, в период относительной оттепели, при молчаливой помощи какого-то немного более человеческого грузинского кагебиста, Ю. Ветохину удалось выкрутиться, уверить КГБ, что это был лишь марафонский заплыв для тренировки, что никаких намерений побега у него не было.

После первой неудачи Ю. Ветохин начал готовиться снова к побегу. Его целью были снова Черное море и Турция. На этот раз он, пlying, тянул за собой сложенную резиновую лодку. Плыть как первый, так и второй раз приходилось под водой, чтобы избежать прожекторов, обшаривающих ночью прибрежные воды. Маленькая выкрашенная в зеленый цвет трубочка для дыхания ни первый, ни второй раз не была замечена.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление: осенью 1983 г. молодой немец переплыл реку Шпрее из Восточного Берлина в Западный, тоже под водой, привязав к кончику дыхательной трубки утиные перья, так что издали казалось, что плывет утка. Коммунисты любой национальности одинаковы, от них одинаково бегут люди, и часто встречаются одинаковые методы побега.

Но река Шпрее не широкая, а Черное море велико. Вторая попытка, с лодкой, была предпринята в 1967 г. И она оказалась неудачной. На этот раз нечем было отговориться, Ю. Ветохин уже сидел в резиновой лодке, и это никак не могло выглядеть спортивной тренировкой заплыва. Он, к несчастью, находился еще в советских водах, когда его обнаружил советский пограничный крейсер.

Результатом оказались страшные 9 лет психушки. Трудно представить себе, как можно было выдержать эти пытки, которым заключенные (не больные, совсем здоровые люди, но именно заключенные) там подвергались. Отметим, что большинство врачей, назначавших эти пытки, были женщины.

Нужно прочесть всю книгу, чтобы хоть немного почувствовать (полностью человек, таким пыткам сам не подвергавшийся, их никогда ощутить не сможет) весь ужас советских психушек. Мы попробуем сделать здесь хоть небольшую выборку из книги, дать хоть некоторое понятие об отдельных "методах".

"Лечение" инсулином: "Известно, что мозг человека питается сахаром (глюкозой) и является самым чувствительным органом. Едва только прекращается питание — человек теряет сознание. Вот на этом принципе и основано применение инсулина. Инсулин — продукт поджелудочной железы животных, способен уничтожить сахар, содержащийся в организме человека. Введенный в организм голодного человека (утром нам умышленно не давали есть), инсулин уничтожает запасы сахара, накопленные в организме, и мозг остается без питания. Человек теряет сознание и медленно умирает. Нас заставляли умирать ежедневно с 8 утра до 12 дня. Какие необратимые органические изменения происходили в организме во время этого медленного умирания, какие части и какие функции мозга безвозвратно гибли, — никто не знает и никто из врачей этим не интересовался. Я слышал о том, что инсулиновые шоки убивают самые delicate и самые тонкие функции мозга: воображение, изобретательность, поэтичность, а также воздействуют отрицательно на половые функции. Каждый день дозу вводимого инсулина нам увеличивали. Потеря сознания начиналась дней

через пять, когда доза инсулина в уколе достаточно возростала. Эта потеря сознания называется инсулиновым шоком. В среднем каждому больному врачи прописывали по 30 шок... Периоды гипогликемии врачи использовали по-своему. Бочковская или Березовская садились на стул недалеко от моей койки и койки Федосова с бумагой и карандашом в руках и записывали все слова, все выкрики, которые непроизвольно вырывались у нас во время беспамятства. Очевидно, Господь удержал меня от выдачи моих главных секретов в этом состоянии... Пробуждение после беспамятства было очень тяжелым, но постепенно ощущение реальности возвращалось ко мне" (стр. 245 – 247).

Сера как лекарство: "Постепенно боль от укола усилилась настолько, что мне стало не до разговоров. Спасибо больному Сычеву: он принес ведро горячей воды из раздаточной, налил воду в грелки и подал в "кормушку" каждому сернику по грелке. Я приложил свою грелку к месту укола и старался не дышать глубоко, чтобы не усиливать боль, замер не шевелясь...

К вечеру я почувствовал, что у меня поднялась температура. Все тело горело и ощущалась сильная слабость. Я лежал неподвижно, прислушивался к нарастающей боли, которая распространилась по всему телу, и представлял себе, как яд серы всасывается в кровь и как потом кровь разносит этот яд по всем органам: и к печени, и к почкам, и к желудку, и особенно — к сердцу... Я ощущал, что сердце работало все слабее и слабее. Казалось, оно вот-вот остановится. "Наверно, пора!" — подумал я и с большой осторожностью, чтобы резким движением не усилить боль в сердце, достал из наволочки спрятанную там таблетку аспирина, завернутую в бумажку. Запить нечем. Я собрал в сухом рту слюни и вместе с ними проглотил таблетку. Не знаю, много ли, в сущности, помогал мне аспирин. Может, это было одно самовнушение. Я рассуждал так: "Сердце болит и находится в критическом состоянии от двух причин: во-первых, от интоксикации яда — серы и, во-вторых, от очень высокой температуры. Введенную насильно в мой организм серу мне не устранить, но температуру понизить с помощью аспирина, может, и удастся, а для сердца — это облегчение". Так или иначе, другой помощи у меня не было, и я считал помощь от аспирина существенной. После приема единственной бывшей у меня таблетки аспирина оставалось только ждать до утра. Иногда, с огромными усилиями, я поворачивал голову и взглядывал в черный проем окна в надежде увидеть там Венеру. Будь это не планета, а прекрасная женщина, а я — не заключенный под пыткой, а полный сил и здоровяк влюбленный юноша, я бы не ждал ее с большим нетерпением!" (стр. 251 – 256).

Отметим еще, что эта драгоценная таблетка аспирина была, конечно, тайно взята в кабинете врача, что было возможно ввиду их небрежности, а не предоставлена врачами или сестрами добровольно пытаемому серой.

А затем снова трифтазин в таблетках, которые Ю. Ветохин уже должен был принимать вначале и которые он старался как-нибудь выплюнуть.

— Ну, как? Проглотил? — спрашивала его Лидия Михайловна, когда он переводил дыхание. В ответ больной кивал головой.

— Покажи рот! — приказывала сестра.

Вооружившись шпателем, она поднимала язык больного и тщательно проверяла, не спрятал ли он лекарство под языком или за десной. Беда тому, у кого она находила непроглоченную таблетку, особенно если виновник — политический. Пощады никогда не бывало. Она докладывала врачу, а врач переводил больного с таблеток на уколы и нередко добавлял еще "курс серы" или "курс аминазина".

Я никогда не мог заранее решить во время дежурства Лидии Михайловны: проглотить или спрятать таблетки. Лидия Михайловна — сфинкс. Было очень трудно предугадать, в каком она сегодня настроении. Старая усталая женщина, всю жизнь проработавшая в тюрьме, она якобы только мечтала о пенсии. Об этом знали не только все санитары, но и многие больные. Она много повидала на своем веку, и глупой ее назвать было нельзя, боязливой — тоже. Мне, например, она сказала в глаза:

— Вы, конечно, ничем не больны, и мы все это знаем.

Однако она после этих слов безжалостно делала мне уколы серы, которые Бочковская прописала мне вместе с трифтазином, и ревниво следила за тем, чтобы я проглатывал таблетки. Но бывали и такие дни, когда она "не замечала" того, что я не проглотил таблеток. Среди остальных 10-ти медицинских сестер 9-го отделения были разные женщины, но две из них: Сара Дьяченко и Екатерина Степенко открыто ненавидели политических заключенных, и на их дежурстве не было никакого спасения. Если бы все сестры были похожи на этих двух, то я сейчас не писал бы эти строки. Мои кости, с железной биркой на ноге, гнили бы на одном из тюремных кладбищ.

Перед тем, как примкнуть к очередной тройке больных (санитар выпускал в коридор по три человека), я посмотрел, нет ли поблизости кого-либо из врачей. В их присутствии сестры особенно выслуживались. Затем я выбрал момент, когда в двери сестринской встал менее вредный санитар из двух санитаров, находившихся на дежурстве, и вышел в коридор. При этом я мысленно молился: "Господи! Да будет воля Твоя!"

Когда подошла моя очередь встать в дверях сестринской, я без промедления громко назвал свою фамилию, чтобы Лидии Михайловне не надо было напрягать память (а следовательно, и сердиться) и протянул свою руку ладонью вверх — за таблетками.

Едва таблетки оказались в моей ладони, я сразу высыпал их в рот, затем мгновенным и незаметным движением языка я перебросил таблетки за десну, а потом выпил воду из стаканчика. Не дожидаясь, когда сестра возьмет в руки шпатель, я приоткрыл рот для показа ровно настолько, чтобы не вывалились таблетки, и громко сказал:

— А-а-а-а!

Потом я повернулся и без разрешения направился в свою камеру, всем своим существом ожидая окрика: “Санитар, верните Ветохина! Пусть еще раз покажет мне рот!”

Когда я вошел в камеру и убедился, что окрика сестры не последовало, то прежде всего вознес молитву Господу: “Господи, спасибо!” Зная, что и больные тоже, среди которых были доносчики, могут наблюдать за мной, я старался никак не выдавать, что за десной у меня лежат таблетки, хотя они огнем жгли десну, а язык онемел от яда. Недаром сестра закрывала себе рот и нос марлей, а на руки натягивала резиновые перчатки!

Я несколько раз прошелся взад-вперед по камере, и лишь когда все больные из нашей камеры приняли лекарства и санитар закрыл дверь на замок, я бросился к своей койке, лег на нее, на мгновение закрылся с головой одеялом и в этот момент переложил таблетки изо рта в руку. Затем я завернул таблетки в заранее приготовленную бумажку и долго отплевывал желтую, ядовитую слюну в простыню.

Бумажка с таблетками — тоже улика. Политический из 10-го отделения, Василий Иванович Серый, учитель географии из Одессы, собиравшийся угнать самолет и преданный своим другом, попался с такой бумажкой. За этот проступок начальник отделения прописал ему такие пытки, что Серый долго не мог встать с койки. Самое лучшее — выбросить бумажку с таблетками в туалет, но оправка по графику еще не скоро, и я выбросил бумажку в окно, хотя это и рискованно. Расставшись с таблетками, я вздохнул с облегчением... до следующего приема лекарств. Таких приемов лекарств в сутки — три” (стр. 217 — 220).

Прежде их называли сестрами милосердия, теперь их называют медицинскими сестрами. Эта перемена наименования произошла не только в СССР, а во всем мире. И соответственно этому и они стали всюду суше, равнодушнее, люди, работающие по своей специальности, а не отдающие себя служению страж-

дущим. Но все же во всем мире медицинские сестры помогают больным, лучше или хуже, сердечнее или суше, но все же стараются более или менее добросовестно исполнить свою работу, заключающуюся в том, чтобы помочь больным, а не в том, чтобы пытать здоровых и делать их больными. Хорошо, что их больше не называют милосердными...

Мы сделали только несколько выписок, показали только часть пыток “лекарствами”, производившихся палачами в белых халатах. Нужно прочесть всю книгу, чтобы хоть отчасти почувствовать весь ужас психушек. Конечно, были и перерывы в пытках, иначе ни один человек их бы не выдержал. Но мы думаем, что Ю. Ветохин выдержал эти страшные 9 лет только своей глубокой верой в Бога. Господь помог ему по его молитве. Сам он поставил своей задачей собрать в одно и продумать еще раз свои мысли о Боге, а также мысли о задачах и методах борьбы. И в этих нечеловеческих условиях он выполнил то, что задал сам себе.

А временами помогал поэт... Автор, который знает чуть не всего Есенина на память, читал его сокамерникам в Херсонской тюрьме: “И каждый заключенный мысленно примерял к себе гордые есенинские слова:

И уже говорю я не маме,

А в чужой и хохочущий сброд:

— Ничего! Я споткнулся о камень!

Это к завтраму все заживет!”

(стр. 133)

Но наступил момент, когда Ю. Ветохин почувствовал, что дальше он не может переносить медицинские пытки. Он оказался в буквальном смысле этого слова перед вопросом: “Быть или не быть?” Ю. Ветохина пытали галопиридомом*. Он видел, что это “лекарство” делало с другими заключенными. “Прошло еще несколько дней, и я понял, что если ничего не изменится, то через неделю, максимум через две недели, со мной произойдет то же самое, что случилось с Савченко. Пока я еще мог соображать, хотя и с трудом, хотя и медленно, я должен был найти выход. Равнодушные, предвестник близкого конца, как и тогда, в 1942 г., в блокадном Ленинграде, захватывало все мое существо. Несмотря на умственное оцепенение, я старался решить вопрос: что лучше: умереть как гордый человек, ни в чем не уступивший своим палачам, или сделать им временную, тактическую уступку, за которую потом отплатить сторицей?” (стр. 358).

От Ю. Ветохина требовали, чтобы он признал себя ненормальным, а он на это не соглашался. И он решил остаться жить, чтобы дальше бороться. “После долгих и мучительных

*Такое название этого препарата принято во всей зарубежной литературе о психушках.

раздумий я попросил у сестры лист бумаги и написал то, что от меня требовали. Я написал, что признаю себя психически больным, и признался, что на почве болезни пытался в 1967 г. бежать из Советского Союза в Турцию. Одновременно я одной фразой выразил осуждение своему преступлению и обещал больше не делать попыток побега. Все это я написал страшными каракулями, так как пальцы мои едва держали ручку. Отдав заявление сестре для передачи врачам, я подумал: "Сейчас я предал себя. Теперь один только Бог знает мои истинные намерения и только Он может помочь мне" (стр. 359).

Еще на воле автор достал книгу Орвелла* "1984", и его глубоко поразило, насколько точно Орвелл описал то, что творится в СССР.

Между прочим, в нынешний, орвелловский, год, в телевидении и прессе Западной Европы говорилось и писалось много об Орвелле, и все это были старания разыскать в свободном мире элементы описанного им мира; но мне не пришлось услышать или прочесть о том, что в Советском Союзе этот мир существует уже 66 лет. Только иногда упоминалось, что Орвелл написал свою книгу под впечатлением диктатур Гитлера и Сталина. Это выглядело так, как будто обе диктатуры — нечто уже давно прошедшее. Да, оба диктатора уже давно умерли, но если гитлеровская диктатура уничтожена совсем, то сталинская претерпела лишь некоторые изменения, в некоторых аспектах она стала еще более страшной. В сталинское время несогласных с режимом и идеологией подвергали страшным пыткам, но не "лечили" в психиатрических больницах.

— Да, жаль мне вас, Юрий Александрович! — вдруг заявила Бочковская. — Не поддайтесь вы лечению! Вы уже много приняли лекарств. Больше, чем другие больные. А сдвигов в лечении не намечается! Вы говорите и думаете по-старому. А нам надо не только, чтобы вы начали **говорить** другое, а чтобы **уверовали** в другое. Нам надо, чтобы вы **полюбили** то, что раньше ненавидели, и **возненавидели** то, что раньше любили. Надо, чтобы у вас **изменилась личность**. Пока личность ваша не изменится, мы не выпишем вас из спецбольницы.

Последние слова Бочковская произнесла трогательным голосом, почти что со слезой в голосе и так же "жалееючи" отпустила меня.

А я шел в камеру и вспоминал Орвелла: "С вами произойдет нечто такое, от чего вы не оправитесь и через 1000 лет! — сказал кагэбешник из романа Орвелла "1984" своей жертве. — Мы не просто уничтожаем людей, мы их сперва переделываем".

Живые советские палачи, а не книжные герои говорили мне то же самое...

Если б не моя глубокая вера в Бога, если б не слово, которое я дал сам себе: "пока мысленно не решу всех намеченных проблем — о свободе и мечтать не буду!" — я бы, конечно, был раздавлен этой адской коммунистической машиной" (стр. 307 — 308).

Ю. Ветохин раздавлен не был. Он не стал думать иначе, но, чтобы не умереть безвестно в спецбольнице, он стал **говорить** иначе. Палачи не разобрались. Они подумали, что завершили свою работу, переделали личность человека, и выписали автора книги из спецбольницы. Бог не оставил верующего без Своей милости: Он дал возможность Ю. Ветохину рассказать всему миру о том, что с ним было, и о том, что личность его не была сломлена или переделана.

* * *

Снова на свободе, всего лишь советской свободе, но все же вне непосредственной досягаемости врачей-палачей, Ю. Ветохин не получил возможности работать по специальности. Несмотря на изнурение, он начал работать грузчиком, к счастью, для столовой, так что мог сразу же подкормиться.

Но стрелка его внутреннего компаса неукоснительно снова направлялась все в ту же сторону — в сторону свободы!

Каким же путем можно бежать теперь? Ю. Ветохину удалось скопить денег на поездку к Черному морю. Там за последние 10 лет береговая охрана была значительно улучшена. Попытаться в третий раз — после двух неудач — переплыть Черное море не представлялось возможным. Между своими прежними двумя попытками бегства по Черному морю Ю. Ветохин принял участие в круизе, называемом "Из зимы в лето". Это поездка на теплоходе из Владивостока к водам Филиппин или Индонезии. В отличие от подобных поездок из стран свободного мира, советские теплоходы в иностранные порты не заходят, пассажирам не предоставляется возможности сойти на берег, посмотреть тот или другой экзотический город. Ю. Ветохин намеревался спрыгнуть с теплохода и попытаться доплыть до берега, когда теплоход будет проходить вблизи какого-либо побережья. Но тогда он не решился. Он побоялся акул и других хищников моря. С хорошим психологическим расчетом руководители поездки показывали пассажирам фильмы об этих морских хищниках.

Теперь Ю. Ветохин готов был рискнуть на все. Но как собрать деньги на билет? С зарплаты грузчика не скопишь: ведь билет очень дорогой. Но необыкновенная сила воли и настойчивое упорство в стремлении все к одному, к свободе, были так велики, что Ю. Ветохин нашел и тут выход. Он начал ездить в лес собирать ягоды и грибы и продавать их на колхозном

*Мы придерживаемся того же написания имени "Орвелл", что и автор книги.

рынке. Это дало ему, в конце концов, возможность собрать необходимую сумму.

Но садиться на теплоход надо во Владивостоке. Пустят ли человека с его биографией в этот закрытый порт, куда и советские граждане могут въехать только по пропуску?

Билет приобретен и... пропуск выдан. Что это? Небрежность, неосмотрительность КГБ или провокация? Предполагая последнюю, Ю. Ветохин не взял с собой ничего, что было бы нужно для плавания, но могло при обыске возбудить подозрение. Тем не менее, это, видимо, была оплошность со стороны властей. Ю. Ветохин благополучно прибыл во Владивосток и сел на пароход.

Для описания драматического бегства автора книги с советского теплохода предоставим слово самому автору:

“Когда я снова проснулся, то по-прежнему увидел над своим иллюминатором яркий свет фонаря, который зажигали на стоянке. Однако судно уже шло. Фонарь еще не успели погасить. Соседа дома не было. Мой час настал.

Я взял со стола ключ, запер дверь каюты и оставил его в замочной скважине. После этого надел две пары носков поверх чулок (вместо обуви на острове), красную клетчатую рубашку и подвязался в поясе шнурком. Резиновую шапочку я тоже привязал под подбородком шнурком.

Затем надел спасательный жилет и, встав на стул, просунул в иллюминатор правую ногу. Потом взялся руками за броняшку иллюминатора, подтянулся на руках и просунул в иллюминатор левую ногу. Спасательный жилет задержал меня в иллюминаторе. Тогда я немного пошевелился и тут же оказался за бортом. Я висел на руках, держась за край иллюминатора. Не медля ни секунды, я уперся ногами в борт судна и, сильно оттолкнувшись руками и ногами, полетел вниз. Раздался всплеск, я почувствовал сильный удар о воду, но благодаря спасательному жилету с головой под воду не ушел. Перед моими глазами быстро проплыла и удалась ярко освещенная корма судна. Итак, свершилось!

Задумав в 1961 году, подобно Мартину Идену, прыгнуть через иллюминатор в море с идущего судна, я осуществил это в 1979 году. Джек Лондон научил меня, как надо действовать. Я повторил буквально. Исключение составил только жилет.

“Будет ли и дальше идти совпадение моей биографии и биография Мартина Идена?” — я отогнал эту мысль привычной уже командой “Никаких эмоций!”.

Капитан, видимо, заметил мой прыжок, ибо на судне застопорили машины. Не теряя времени, я снял с себя спасательный жилет и отбросил его в сторону. “Пусть операторы ра-

диолокаторов примут мой жилет за меня самого, а я тем временем уплыву подальше”, — подумал я и, форсируя скорость, поплыл в сторону, противоположную той, куда шел теплоход. Первое время я часто оглядывался, опасаясь, что капитан погонится за мной на теплоходе вместо того, чтобы спускать шлюпки. Но теплоход стоял ко мне лагом так, как развернул его северный ветер и не двигался с места. Если бы это было не Молуккское море, а Черное, то сейчас вдгонку за мной были бы посланы самолеты, вертолеты, катера, корабли и подводные лодки! “Схватить! Схватить живым или мертвым!” — звучал бы приказ им всем.

Но что мог сделать капитан сейчас? Только застопорить машины, прильнуть к экрану радиолокатора в попытке обнаружить меня, и ждать утра. Видимо, все. Отплыв на порядочное расстояние от теплохода, я отыскал на небе две свои звезды и поплыл прямо на них. Время от времени я прислушивался: нет ли признаков погони на мотоботе? Но все было тихо, и тогда я подумал, что капитан, вероятно, нашел мой спасательный жилет и довольствуется им. Я специально надел его без лампочки, чтобы затруднить поиски ночью и тем самым протянуть время. Найти такой жилет с помощью радиолокации трудно и тем больше капитан должен быть доволен, когда найдет его. Час или больше я плыл форсированной скоростью. Ветер был бакштаг левого борта и не особенно мешал мне плыть. Довольно крупные волны тоже почти не мешали мне, так как были того же направления, что и ветер. Об акулах я не думал. “Ночью — все кошки серы!” Ночью любую волну можно принять за акулу и наоборот. Ко мне вернулось спокойствие, рассудительность и даже любознательность. “Почему здесь вода не фосфоресцирует, как в Черном море?” — подумал я. Внезапно из-за горизонта, прямо по курсу, выплыла полная луна. На море стало почти светло. Но что важнее всего: под луной, на горизонте, стали видны очертания острова.

Боясь поверить в такое везение, я стал молиться: “Господи! Сделай так, чтобы это был не мираж, чтобы это было не облако, а — реальный остров!”

Но облако не рассеивалось и не уплывало в сторону, мираж не испарялся. Прошло время, и уже можно было различить резкие очертания острова справа и расплывчатые — слева. “У облака так не бывает!” — подумал я. Еще прошло время, я еще приблизился к острову и последние сомнения исчезли. Передо мной очень далеко, но все же в пределах досягаемости лежал реальный индонезийский остров. На этом острове я обрету свободу, которой незаконно был лишен всю свою жизнь.

Надо только доплыть до него и больше ничего. Только доплыть. По сравнению с тем,

что уже сделано, осталось сделать не так много: только доплыть! Сил на это у меня хватит, я знал. Я плывал на более длинную дистанцию. Правда, тогда я был моложе, но зато теперь — опытнее. Помешать мне могут только акулы. “Интересно, что я буду чувствовать, когда акула откусит у меня руку или ногу?” — промелькнула мысль, и тут же я отогнал ее: “Этого не может быть!”

Незадолго до моего отъезда из Ленинграда на информационном стенде у здания Американского Консульства появилось сообщение о том, что 30-летняя американская пловчиха Диана Найд из Нью-Йорка за 27 часов проплыла в море 143 километра. Я вспомнил об этом, плывя в Молуккском море. “Я — старый, я — злой и мясо мое невкусно. Другое дело — тридцатилетняя американская пловчиха, лакомый кусочек не только для акул! Если даже ее не съели акулы, то почему они должны съест меня?”

Кроме этих моральных аргументов в свою защиту, я имел и некоторые материальные. Во-первых, на мне практически не было открытых участков тела. Во-вторых, моя одежда имела отпугивающую акул расцветку (красная клетчатая рубашка) или нейтральную (чулки цвета какао и голубая шапочка). В-третьих, на моем теле не было никаких царапин. И, наконец, всю дорогу я плыл на груди, равномерно и прямолинейно, делая громкие вдохи и не менее бурные выдохи в воду, что должно было имитировать морское млекопитающее (дельфина, кита), до которых акулы тоже не охотники. Так же, как речные хищники — щуки, или лесные разбойники — волки, акулы преимущественно нападают на слабых больных, выполняя роль своеобразных морских санитаров. Поэтому всякая неуверенность в движениях пловца или произвольное (не стильное плавание) могли быть поняты как признак болезни или слабости и явиться сигналом к нападению. Это я помнил и старался не быть похожим на слабого или больного.

59. В Молуккском море

“Будь я на месте капитана, то я, конечно, догадался бы, что беглец поплывет напрямик к ближайшему острову. Ночью, в темноте, искать пловца в беспокойном море — почти бесполезно. Но утром, с рассветом, я бы или направил корабль наперерез курса беглеца возможно ближе к острову или направил туда мотобот. Конечно, при этом произошло бы нарушение территориальных вод иностранного государства, но операцию поимки беглеца можно осуществить так быстро, что факт нарушения границы никто не успеет зафиксировать. Насколько я знаю, в таких вопросах советское правительство не особенно щепетильно и полностью оправдало бы действия капитана”.

Так размышлял я, когда все мои усилия достичь берега до рассвета оказались тщетными. Сначала по воде побежали блики, а потом как-то внезапно наступил рассвет. Остров, желанный остров, предстал передо мною на расстоянии нескольких километров. Теперь темнота больше не укрывала меня. “Пустится или нет капитан в погоню за мной? Теперь моя надежда на спасение зиждется на двух не очень крупных китах, — думал я. — Это, во-первых, боязнь капитана войти в территориальные воды иностранного государства и, во-вторых, его уверенность в том, что я уже утонул, так как он наверняка нашел мой спасательный жилет”.

Еще одна проблема беспокоила меня. Я опасался, что около берега будет сильный прибой. Если берег окажется каменистым и скалистым, то волны могут с размаху ударить меня об эти скалы. Я умел бороться с прибоем и специально тренировался в Батуми, но я никогда не пробовал делать это после такого длительного заплыва. Возможно, думал я, усталость не позволит мне быстро и энергично реагировать на удары и толчки волн со всех сторон, которые становятся хаотичными вблизи береговых скал. И еще более вероятно, что у меня не хватит сил преодолеть накатную волну в тот момент, когда она, лизнув берег, с грохотом откатывается назад. Поэтому, приближаясь к берегу, я искал глазами белые буруны, которые неизбежно возникают около скал, и белую пену вдоль береговой черты.

Отдельных бурунов я не увидел, а белая пена от прибоя виднелась вдоль всего берега. “Это менее опасно, чем если бы берег был скалистый, да еще с рифами”, — решил я с удовлетворением.

Время шло, и появились новые проблемы. Одной из них оказалась боль в глазах. Морская вода разъела мне глаза, и теперь боль стала невыносимой. Я вынужден был закрыть глаза и плыл некоторое время с закрытыми глазами. И тут появилась новая и очень тревожная проблема, заставившая на время даже забыть глазную боль! Открыв глаза, я не увидел перед собой острова! Я посмотрел по сторонам: остров теперь был справа от меня. Я плаваю весьма прямолинейно и обвинить за изменение курса руку или ногу, сделавшую неодинаковый по сравнению с другой рукой или ногой гребок, я не могу. Однако я несколько раз повторил опыт, и результат всякий раз был один и тот же: как только я закрывал глаза и переставал направлять свой курс к острову — мой курс сразу изменялся и остров оставался справа. Сомнений больше не было: самый страшный враг пловца-марафонца, победивший меня в 1963 году, ожил в Молуккском море и действовал против меня. Этот враг — течение. Чем ближе я подплывал к острову, тем сильнее становилось течение.

Оно шло справа налево вдоль берега острова и, постепенно отдаляясь от берега, дальше имело направление на Запад. Оно уже снесло меня влево, на северо-запад, и коричневая полоса на острове, которую я недавно видел издали, закрылась деревьями.

Но недаром мудрая русская пословица гласит: "За одного битого двух небитых дают!" В 1963 году течение в Черном море победило меня — это верно. Но оно и научило меня. Теперь я уже не пытался плыть прямо против течения. Я знал, что это бесполезно. Я искал обходных путей. Прежде всего я перестал плыть форсированной скоростью. Наоборот, я уменьшил скорость до минимума и направился на юго-восток, назад от острова. Пристально наблюдая за поверхностью моря своими воспаленными глазами, я, наконец, с радостью увидел то, что хотел увидеть — водораздел. Я доплыл до того места, где морские волны сталкивались хаотически одна с другой, образуя границу двух течений: одного течения, идущего справа налево вдоль берега острова, и другого — противотечения, которое шло в обратном направлении, но значительно мористее первого. Еще несколько гребков — и, подхваченный противотечением, я стал заметно перемещаться вправо, то есть к своей исходной позиции. Через некоторое время я снова находился на траверзе острова, снова увидел коричневую полосу, сверху вниз делящую остров на две части.

"Как только нога моя коснется берега — прочитаю благодарственную молитву Господу", — решил я. План мой был такой: на значительном удалении от острова при содействии противотечения доплыть до его юго-восточной границы, а затем форсированной скоростью направиться к берегу. Береговое течение будет сносить меня влево (на северо-запад), я буду плыть на северо-восток. Равнодействующая двух этих сил пройдет так, что я окажусь у берега где-то у северо-западной оконечности острова. До сих пор погода благоприятствовала мне. Ветер по-прежнему был бакштаг. Солнца не было. Его закрывали не очень густые облака. Тепловой удар от перегрева солнцем тоже не был исключен среди прочих моих опасностей, и отсутствие солнца я воспринял как еще одно проявление помощи Провидения. Было уже позднее утро или же начало дня, когда я выплыл на траверз юго-восточной оконечности острова. Точнее говоря, оконечности как таковой не оказалось. Видимый мне вначале фасад острова плавно переходил в его южную часть.

Здесь течения, сообразуясь с изменением направления береговой черты, тоже изменяли свое направление и начиналась полная неразбериха. За поворотом береговой черты я отметил целых три течения: одно слева направо,

а два других — справа налево по обеим его сторонам. Заметив, что в этой сумятице я уже не могу плыть с прежней скоростью, я ринулся перпендикулярно к берегу. Скоро береговое течение подхватило меня и понесло влево. Вкладывая все силы, я на одном вдохе делал по два гребка руками и ногами, но течение неумолимо относило меня влево и мористее от берега. Свою отчаянную борьбу за жизнь (ибо без стеснения — ее можно назвать так) я прекратил только тогда, когда северо-западная (левая) оконечность острова осталась справа от меня. Так вторая моя попытка достичь берега потерпела фиаско. Знакомым уже маневром я нащупал противотечение и стал медленно возвращаться к исходной позиции. На этот раз я плыл очень долго или мне так показалось. Солнце вышло из-за туч и показывало что-то вроде полудня, когда третья моя попытка, точно так же, как и первые две, окончилась неудачей.

Приплыв в исходную точку (читатель, наверное, помнит, что моя исходная точка находилась на траверсе юго-западной оконечности острова) я не стал повторять в четвертый раз попытку пристать к берегу со стороны фасада острова. Теперь я решил заплыть как можно дальше на восток вдоль южной стороны острова и попробовать пристать к южному берегу острова. Находясь теперь довольно далеко от берега (в струе противотечения) я видел большой кусок южного берега, который по своему ландшафту отличался от западного берега или "фасада". Здесь берег состоял как бы из двух холмов и участка плоскогорья. Между холмами было вроде бы ущелье, и там я предполагал найти воду.

Людей же я предполагал встретить не в джунглях, которыми поросли холмы, а только на плоскогорье. На бухту перед ущельем я возлагал особые надежды. Я рассчитывал, что конфигурация бухточки создаст нечто вроде водоворотов в самом течении и течение временно потеряет силу в этих водоворотах, ниже которых (западнее) я смогу пристать к берегу. Однако первая попытка в новом месте оказалась неудачной. Я слишком ослаб, и хотя течение было действительно не очень сильное — я не смог преодолеть его. Меня вынесло в район "исходной точки" на траверз юго-западной оконечности острова. Что было делать? Солнце опустилось уже довольно низко. Я оценил время как 15 или 16 часов. Хотя температура воды была 30°C, у меня начинался озноб. Глаза болели так, как будто представляли собой сплошную рану. Жажда мучила невыносимо. Начала болеть правая рука. "Могу ли я проплывать в море еще одну ночь?" — поставил я перед собой вопрос, и хотя ответ был готов: "Если придется — буду плавать еще одну ночь!" — мне очень не хотелось этого.

“Тогда я должен нарушить слово, которое дал сам себе перед заплывом, — решил я. — Иного выхода нет”. Я знал, что изменение стиля плавания почти наверняка вызовет, во-первых, судороги, как уже было со мной на тренировках в Черном море), а во-вторых, может спровоцировать нападение акул. Но я умел плавать быстро только на спине и только на спине я мог бы преодолеть течение.

Это было самое рискованное решение за все время моего заплыва. И я был немедленно наказан. Когда с огромным трудом я снова углубился на восток вдоль южного берега острова и на траверзе бухточки, что находилась под ущельем, перевернувшись на спину, быстро поплыл к берегу, то произошло то, что и должно было произойти — судорога свела мою правую ногу. Икра вздулась и образовалось твердое прямоугольное утолщение. От боли и от неспособности двигаться вперед я завертелся на одном месте, как подстреленная утка. Какую отличную приманку я представлял тогда для акул! Лежа на спине и делая судорожные движения левой ногой, я обеими руками массировал икру правой ноги. Ведь знал же наверняка, что после почти суточного заплыва брассом на груди изменить стиль плавания — наверняка вызвать судороги! Знал и рискнул! Это была самая большая моя ошибка. Поистине терпение у Господа неистощимо! Господь и на этот раз помог мне. Минут через пять мышца стала размягчаться и вот уже, повернувшись на грудь, я снова медленно поплыл.

Опять все сначала! Больше ни за что на спину не перевернусь! Буду пытаться преодолеть течение на груди. Буду делать одну попытку за другой — вплоть до темноты. А с наступлением ночи поплыву вдоль берега на восток (по звездам) — туда, где вдали виднелся другой берег. Если все будет нормально — к утру доплыву до того далекого берега и там возобновлю свои попытки причалить. Таким был тогда мой план. Плывая вдоль берега на восток, чтобы занять исходное положение для очередной попытки причалить, я сперва заметил среди сплошь заросшего джунглями берега два очень небольших пляжа с желтеющим на них не то песочком, не то — кораллами. Мне эти пляжи очень понравились. Еще бы! На пляжах не было видно крупных камней, которыми изобилдовал весь остальной берег. Это обстоятельство исключало вероятность того, что я в момент причаливания не смогу справиться с накатом и какая-нибудь волна с размаху ударит меня о камни. Оставалась только одна опасность, что обратная, то есть уже идущая обратно с берега накатная волна опрокинет меня навзничь и я захлебнусь в водовороте. Но у меня был опыт в борьбе с обратными волнами, и я не очень боялся их.

Я стал выбирать место для старта и на расстоянии 25-30 метров от правого пляжа заме-

тил на самой стремнине течения как бы самодельный буюк. Этот самодельный буюк, казалось, стоял на якоре и, возможно, какой-нибудь веревкой был соединен с берегом. “Наверно, — подумал я, — это местные жители установили буюк и привязали его к берегу для того, чтобы они могли купаться, держась за веревку, и течение не унесло бы их”. Такие буйки установлены на некоторых санаторных пляжах в Сочи. Сказав мысленно: “Господи, помоги!”, я ринулся к этому буйку. Делая по два гребка на каждый вдох, я заметно приблизился к берегу, но течение тоже делало свое дело. Когда я был на расстоянии 30-35 метров от берега, буюк уже находился далеко от меня справа. Течением меня снесло влево. Но передо мной теперь появился второй пляж, левый, и я поплыл к нему, стараясь подныривать как можно глубже и по-прежнему делая по 2 гребка на каждый вдох. И вдруг, поднырнув очередной раз, я увидел дно! Дно было выложено не кораллами, как я ожидал, а обыкновенными камнями. И на камнях играли солнечные блики! Силы мои прибавились, и через какие-то мгновения глубина была мне уже по пояс, затем — по колено. Я хотел встать на ноги, но ноги не держали меня. Тогда я встал на четвереньки и так на четвереньках выполз на берег. Накатная волна ударила в меня, когда я был уже на берегу.

“И вышел он на брег крутой,
Стихии бурной победитель...”

Если бы меня кто-нибудь увидел тогда, то меньше всего посчитал бы за победителя. От острой боли в глазах, от чрезмерной усталости я громко стонал и полз на четвереньках по острому береговому камням. Но тем не менее я действительно был победителем. За 18 или 20 часов я проплыл среди течений, акул и медуз 40-45 километров. (Расчет простой: моя средняя скорость 2,2-2,5 км/час.) Некоторые скажут: “Он победил течение, акул и физалий”. Это будет слишком. Победить можно того, кто воевал с тобой. Но ни акулы, ни физалии и не пытались бороться со мной. Зачем же клеветать на них, присваивать себе неодоленную победу? Я скажу так: я победил морское пространство и течение, я победил страх. И я победил чекистов, которые все делали для того, чтобы я не мог бежать. Но я бежал. И этого достаточно для того, чтобы возгордиться. Но мне тогда было не до гордости. От слабости я не мог даже вознести молитву Господу.

Я переполез на четвереньках через неширокий и очень замусоренный камнями и палками пляж, ища и не находя хоть сколько-нибудь ровного местечка, чтобы лечь. Наконец, вблизи начинающихся джунглей, под ветвями какого-то большого дерева, я увидел среди прочих больших и острых камней один камень более или менее плоский. Камень был очень

небольшой, но я лег на него. Острые соседние камни вонзились мне в бока. Я лежал и терпел. Я столько потерял сил, что экваториальное солнце не в состоянии было согреть меня. Мне было холодно. "Очевидно, будет лучше, если я разденусь", — подумал я. Не сдерживая громких стонов, я приподнялся и сел на камень. Глаза нестерпимо болели, все тело ломило, а когда я стал стягивать с себя рубашку, то оказалось, что я не могу поднять правую руку. Пришлось левой рукой вытаскивать из рукава правую руку, как палку. Затем я отвязал и снял с себя чулки и носки. Всю одежду я положил на соседний камень. Я вынул из кармана плавок носовой платок, завязал на его углах узлы и надел платок на голову, как чепчик от солнца. Затем снова лег на камень и стал прислушиваться к тому, как в моем организме шли целебные, восстановительные процессы.

На море раздался приглушенный шум. Я посмотрел туда и увидел длинную и узкую моторную лодку с людьми. Люди в лодке смотрели в мою сторону. В этот момент все мои стремления сводились к одному — лежать. Я не мог даже крикнуть или жестом привлечь их внимание к себе. И я лежал совершенно голый. Если бы я сообразил тогда, какой шанс на спасение я терял, и если бы знал, что джунгли полны зверей, сила воли, вероятно, дала бы импульс еще для одного усилия. Но я весь расслабился, ни о чем не думал и молчал. Лодка постояла немного и исчезла из вида. Я снова опустил голову на камень. Экваториальное солнце, наконец, согрело меня и стало жарко. Тогда я переполз на другое место, где была тень. Потом на короткое время солнце скрылось и пошел дождь. После дождя опять вышло солнце. "Ведь я мог набрать в резиновую шапочку дождевой воды!" — подумал я. Однако шевелиться не хотелось, но и заснуть я тоже не мог. Через какое-то время я приподнялся, оделся, поднял валявшуюся неподалеку бамбуковую палку и, опираясь на нее, встал на ноги. Ноги мои дрожали и еле держали меня, очень болела правая рука, но видя, что солнце уже заходит, я двинулся в поисках воды вдоль берега на восток, в сторону предполагаемого ущелья. Я знал, что в темноте воду мне будет не найти. Лодок на море больше не было видно, и я уже начинал жалеть о том, что не окликнул островитян. Надо сказать, что остров оказался совсем не таким, каким я ожидал его увидеть. Я ожидал увидеть райский остров с мелким коралловым песком и зарослями банановых деревьев у самого моря — копию острова Понтики-Бесар или же того острова, на котором Тур Хейердал проводил свой медовый месяц. Ничего подобного не было. Не было тоже и манговых деревьев, как на острове Понтики-Бесар. Правда, было много кокосовых пальм. Я знал, что сок ко-

косовых орехов — традиционный тропический напиток. Но как и чем расколоть орех? Орехи валялись на земле. За ними не надо было даже лазить на деревья. Но мой маленький перочинный ножик гнулся, но не мог разрезать прочную кожуру ореха. Когда я пытался разбить орех камнем, то он только пружинил. Потеряв напрасно время, я двинулся дальше. Проходя мимо "буйка", к которому я так стремился, когда видел его со стороны моря, я обнаружил, что за буюк я принимал всего-навсего затопленную ветку дерева, каким-то образом зацепившуюся за дно и трепетавшую на течении.

Теперь мне пришлось шагать по острым камням и по острым коралловым рифам. Крабы врассыпную бросались от меня, но я не обращал на них внимания. Мои носки вскоре превратились в лохмотья. Чтобы не идти по острым кораллам, я пошел через джунгли. Там я увидел зверя величиной побольше волка, но поменьше медведя, с длинной серой шерстью. Зверь неподвижно сидел ко мне спиной, как раз на моем пути. Плохо видя своими воспаленными глазами, а в джунглях к тому же было сумрачно, я не сразу оценил опасность и опрометчиво ударил палкой по дереву, чтобы убедиться: живое существо сидело передо мной или нет. В ответ зверь неторопливо повернул ко мне свою морду. Забыв о том, что я босиком, я бегом бросился назад, к морю. Я был готов в какой-то степени к встрече с акулами, физалиями и с морскими течениями. Но встреча с дикими животными в джунглях! Об этом всерьез я никогда не думал. И это обстоятельство поставило меня втупик. "Ну, найду я воду, — думал я. — К тому времени станет темно и звери сойдутся на водопой. Что, я рядом с ними буду лакать воду?"

Когда позднее, в итальянском цирке "Медрано", я впервые в жизни увидел серого орангутанга, то у меня сразу всплыло в памяти то животное, которое я повстречал в джунглях. Оба животных очень походили друг на друга.

Вспоминая теперь тот день, я осознаю, что тогда мне представлялась уникальная возможность познакомиться с растительным и животным миром одного из немногих островов на нашей планете, который не пострадал особенно от цивилизации. Вряд ли какой-нибудь турист, да и специалист тоже, может похвастаться, что он был на острове Бацан, имеющем редких птиц, таких, например, как попугаи Нури или Какаду, и животных, в том числе сумчатых, которые могут еще встретиться только на Новой Гвинее или в Австралии. Однако мне было не до них. Я был предельно переутомлен, хотел пить и спать, мои глаза нестерпимо болели. Идти без обуви, в одних только носках, по острым кораллам было очень больно. Я вскрикивал от боли каждый раз, когда неудачно становился на очередной коралловый выс-

туп и шипы врезались в мои подошвы. Сначала я шел по узкой береговой полосе, которая хотя и была засыпана кусками кораллов, но все же была проходима. Но скоро идти стало еще хуже. Береговая полоса кончилась, и джунгли подступили к самому срезу воды. Переплетенные лианами, густо растущие деревья создали для меня непроходимую преграду. Пришлось спуститься в море и идти вдоль скал по пояс в воде. Море было очень неспокойно, и брызги от волн, разбивающихся о прибрежные скалы, скоро вновь намочили всю мою одежду, которая подсохла, когда я лежал на солнце. Иногда мои ноги проваливались в разные расщелины на морском дне и была реальная опасность, что я или сломаю себе ноги, или же за мою ногу ухватится какое-нибудь морское животное, вроде мурены, морской змеи или захлопывающейся огромной раковины.

Так я шел довольно долго, когда услышал в джунглях голоса.

— Эй! Эй! Идите сюда! — закричал я изо всех сил. Никто мне не отозвался. Я закричал еще раз. Опять никто не откликнулся. А голоса, вернее, крики, продолжались. Тогда я понял, что это были крики обезьян. "Бабуины, кажется, любят кричать", — вспомнил я, но сознание того, что я попал в давно желанный мир экзотики, не воодушевило меня: слишком у меня болели глаза и слишком я хотел пить.

В принципе, напиться можно было и из кокосового ореха, но я не смог расколоть его. Воду все равно надо было искать, хотя бы для того, чтобы промыть глаза. Без питья, я знал, человек может прожить три дня. В моем случае прошли лишь одни сутки. Даже принимая во внимание исключительные обстоятельства, еще сутки я мог прожить без воды. Но если не промыть глаза — завтра я ничего не буду видеть.

Удалившись от неожиданно встреченного зверя на порядочное расстояние, я снова стал заглядывать в джунгли. Волны и брызги от волн не давали моей одежде подсохнуть. Ночевать на камнях в мокрой одежде — такой представлялась мне ближайшая перспектива. Да еще звери подойдут и будут обнюхивать спящего... Хорошо еще, если только обнюхивать!

Смеркалось. Я шел и шел вдоль берега, а ущелья или ручья все не было. Наконец, я понял, что ущелья вообще не существовало. Ущелье рисовалось со стороны моря вследствие контраста цветов двух зон растительности, почему-то резко граничащих одна с другой. Бухта, правда, была, и теперь я находился в ней. Надо было искать место для ночлега. Я посмотрел в глубь джунглей, которые круто поднимались вверх по горе, начинающейся от самого берега моря, и увидел шалаш. Шалаш

был как две капли воды похож на русский шалаш, какой делают рыбаков или охотники у нас, в России. "Вот в этом шалаше я и переночую, если только в нем уже кто-нибудь не расположился", — подумал я. До шалаша было метров двадцать пять. "Не притаился ли где-нибудь удав или королевская кобра?" — появилась тревожная мысль. Я хорошо помню, что я подумал именно о королевской кобре. На встречу с другой коброй я был не согласен.

Подъем в гору оказался таким же, как в ущелье Мономаха, в Коктебеле: весь грунт состоял из острых мелких камней, осыпающихся под ногами. Хватаясь руками за лианы и стволы деревьев (хорошо еще, что на закате солнца все змеи уползают в свои норы, а то я, пожалуй, мог в темноте ухватиться вместо ветки за змеиный хвост!) — я, наконец, поднялся до уровня шалаша. И снова — разочарование, как и с буйком, как и с ущельем! Это оказался не шалаш, а — корень вывернутого с землей дерева.

Пришлось возвращаться назад, опять идти по воде и искать в джунглях подходящую площадку. Джунгли были так засорены, что мне пришлось идти довольно долго, пока я высмотрел что-то похожее на площадку. Я сделал несколько шагов вглубь джунглей, в сторону площадки, и снова увидел какое-то животное. Приглядевшись, я узнал обезьяну. Обезьяна руками и ногами обхватила ствол дерева, а голову с огромными кругами вокруг глаз повернула ко мне и замерла в таком положении.

"Ну, нет! Лучше ночевать с рыбами, чем с обезьянами!" Я вернулся к самой воде и стал искать какой-нибудь большой плоский камень, чтобы лечь на него. Вдали что-то затрещало. Шум приближался. В последних бликах уходящего дня я различил моторную лодку, которая быстро шла вдоль берега в мою сторону. Я забежал в воду по пояс и начал махать своей длинной бамбуковой палкой. Одновременно я кричал:

— SOS! SHIP! SOS! SHIP!

Несмотря на мои крики, лодка вначале прошла мимо, но потом вернулась, немного помедлила в стороне, и, наконец, подошла ко мне. В лодке, длинной и узкой, с тентом на корме, сидело четверо опрятно одетых молодых людей. Я влез в лодку, а затем, обратившись к ближайшему молодому человеку, показал ему свои ручные часы и сказал:

— This is my present. I am a Russian from ship. Let us go to policeman!

Оказалось, что никто из молодых людей не знал английского языка, но слово "policeman" они поняли, часы тоже взяли. Лодка быстро пошла. Один из молодых людей накиннул мне на плечи свою куртку. Мы стали объясняться так, как обычно объясняются в подобных случаях: знаками, улыбками, нелепо искаженными

ми словами. Они поняли, что я хотел пить. Когда лодка прошла мимо второго холма, отделенного от первого мнимым ущельем, и когда началось плоскогорье, они причалили лодку к берегу. На берегу стоял домик на сваях. Один из молодых людей дал мне свои босоножки и знаком пригласил следовать за собой. В доме хозяйка без лишних слов подала мне огромную кружку с теплой кипяченой водой. Воду я выпил почти всю, а потом промыл глаза. Сразу же меня пригласили есть. В

тарелке были вареные бананы в очень вкусном соусе с какими-то еще плодами, напоминающими наш зеленый горошек. Есть я не хотел и насиловать себя не стал. Проглотив несколько ложек, я поблагодарил хозяйку так, как видел в индийских кинофильмах, и двинулся к лодке. Было уже совсем темно. Мы плыли довольно долго. Чем ближе мы подплывали к селению, тем чаще нам встречались лодки, очевидно, рыбацкие. Наконец, показался слабо освещенный причал с небольшим маяком”.

О религиозных и политических взглядах автора мы поговорим в отдельной статье следующей раз.

Книгу можно купить по адресу: J. Vetokhin, P.O.Box 16089, San Diego, Calif, 92116, USA.

Романо ГУАРДИНИ

СМЕРТЬ ИИСУСА

После вынесения приговора все идет пред-назначенным беспощадным путем... Пусть читатель откроет Евангелие и вникнет в его повествование. У Матфея это описывается в 27-й главе, у Марка в 15-й, у Луки в 23-ей, у Иоанна в 19-й. Пусть он сделает это теперь, прежде чем читать дальше. И пусть его не отпугивают ужасы, о которых повествуется там. Пусть он помнит, что все эти муки были приняты за него, пусть он раскроет свое сердце.

Отчего умер Иисус? Когда человек пал в борьбе за свою страну или пал под ударом судьбы, то на вопрос, отчего это случилось, ответ обычно ясен. Верно, что в конечном итоге и в нем есть тайна, но это — тайна жизни вообще. Остальное известно. Здесь же есть нечто иное. Иисус не пал в борьбе. Его силы не разбились о непреодолимые неблагоприятные обстоятельства. Его не постигла никакая коварная судьба. Конечно, все это можно здесь обнаружить, но не в этом настоящая причина. Все могло произойти и по-другому. Чтобы доискаться причин, нам нужно смотреть глубже. Суть в словах, которые Он в последний вечер произнес над хлебом: “Сие есть тело Мое, которое за вас предается...” и над чашей: “Сия чаша есть новый завет в Моей крови, которая за вас проливается” (Лк 22, 19 слл). “За вас предается”, “за вас проливается” — вот где суть, то благовествование, которое все время повторяется в апостольских Посланиях и наполняет все Иоанново Откровение: Своей смертью Иисус Христос искупил нас.

Но что значит “искупил?” В главе об омовлении ног мы высказали одну мысль, к которой нам теперь следует вернуться. Она не претендует на объяснение чего-либо, возможно, что это просто образ. Тем не менее она, может быть, подведет наш ум и наше сердце к тому

пределу, в котором все только и получает свое истинное значение.

Первые слова Священного писания гласят: “В начале сотворил Бог небо и землю”. И катехизис поясняет: “Он сотворил их из ничего”. А это означает: прежде, чем Бог сотворил (мы знаем, что это “прежде”, по сути дела, неверно, но знаем также, что то, что должно быть здесь выражено, трудно, а в сущности, и вообще невозможно сказать по-другому), прежде чем Бог помыслил и пожелал творение, не было никаких материалов, никаких сил, никаких образов, никаких побуждений. Не было даже никакого таинственного порыва к существованию — не было именно Ничего!

Был Бог. Того, что есть Бог, уже достаточно. “Кроме” Него нет надобности быть чему бы то ни было. Он — “Единое и Все”. “Остальное” происходит от Бога: энергия, материя, формы, цели, порядки, вещи, события, растения, животные, люди, ангелы, все. Человек может преобразовывать действительное или порождать образы в недействительной области фантазии, — вводить же в бытие то, чего еще нет, создавать из ничего он не может. Ничто для него — тайна, стена, непостижимое. Подлинно ощутить Ничто может, по-видимому, один только Бог, потому что Он один может что-либо ввести в бытие и действительность. Человек знает о Ничто только то, что в нем рушатся все связи.

Итак, Бог сотворил человека. Только от Бога человек получил себя и только в направлении к Богу он мог жить. Но он согрешил. Этим он пытался упразднить эту основную истину своего существования и создать опору в себе самом. Он отпал от Бога — в самом жутком смысле этого слова. Он отпал от действительного бытия и покатился в ничто. Первое

Ничто, “из” которого Бог творил, было благим Ничто, пустым и чистым, — просто не было ничего. Теперь появляется злое Ничто — Ничто греха, разрушения, смерти, бессмыслицы, пустоты. В него катится отпавший человек, — правда, он никогда не достигнет его, ибо тогда он угас бы, — а он, себя не сотворивший, не может и уничтожить себя.

Неисследимая Божия милость пожелала не оставлять человека в этой гибели, но вернуть его себе. Говорить о том, какими иными путями Он мог бы это сделать, нам не подobaет. Мы должны исходить из Его слова, говорящего нам, как Он это сделал: путем такого святого великодушия и могущества, что теперь, когда это открыто нам, мы можем сказать, что и не могло быть иного пути, кроме этого — пути любви.

Бог пошел за человеком, как написано в притчах о потерянной овце и о потерянной драхме (Лк 15), пошел в царство потерянности, в злое Ничто, разверзшееся вследствие поступка человека. Бог не только любовно смотрел с высоты, не только звал и привлекал человека, но Он Сам сошел вниз, как в первой главе своего Евангелия с такой силой говорит Иоанн. Теперь в истории человечества появился Тот, Который одновременно Бог и человек. Чистый как Бог, несущий ответственность как человек.

Состояние виновности Он пережил полностью и до конца. Человеку, который только человек, это невозможно. Он меньше совершаемой им вины, потому что она направлена против Бога. Он может ее совершить, но что она означает, он не может представить себе, потому что не имеет сознания, соответствующего ее страшному значению. Он не может ее измерить. Не может ее выстрадать. Сам ее совершивший, он не может включить ее в свое существование и исчерпать ее своей жизнью. Он от нее приходит в смятение, в растерянность, отчаивается, но остается перед ней бесильным. Справиться с грехом может только Бог. Он один может охватить его целиком, измерить его и произнести Свой приговор. Грех был бы наказан по заслугам, но человек, его совершивший, сломался бы. “Благодать” означает, что Бог пожелал не только творить правду, но и спасти человека, — пожелал любить. Он стал человеком, и так возникло Существо, воплотившее в человеческой жизни Божию силу, противостоящую греху. В уме, сердце и теле одного определенного Человека. совершилась битва Бога с грехом. Вот чем была жизнь Иисуса.

Тот срыв человека в Ничто, который был вызван бунтом против Бога и при котором тварь могла только разбиться и прийти в отчаяние, Он пережил в любви, знающим умом, свободной волей, чувствующим сердцем.

Уничтожение тем страшнее, чем выше тот,

кого оно поражает. Никто не умер так, как Христос, потому что Он был сама жизнь. Никто не был так наказан за грех, как Он, потому что Он был Чист. Никто так, как Он, не испытал падение в злое Ничто — вплоть до той страшной реальности, которая стоит за словами: “Боже мой! для чего Ты Меня оставил?” — потому что Он был Сыном Божиим (Мф 27, 46). Он был действительно “уничтожен”. Ему пришлось умереть молодым. Его дело было задушено в зародыше, хотя могло расцвести. Его друзья были у Него отняты, Его честь была попорана. Ничего у Него больше не было, и Сам Он обратился в ничто: “червь, а не человек”. Так Он в непостижимом смысле “сошел во ад”, представляющий собой то царство, где правит злое Ничто. Сошел не только как сокрушитель уз — хотя и это тоже верно, но лишь после того, как Он это сделал по-другому, ужасным образом, о котором можно лишь догадываться.

Он, бесконечно любимый Сын вечного Отца, достиг тогда абсолютной глубины, дна зла. Он проник до того Ничто, из которого должно было совершиться Новое Творение: re-creatio, как говорили древние, претворение уже существующего, но отпавшего в ничто и сотворенного в новое бытие — в Нового Человека, Новое Небо и Новую Землю.

Что происходило, когда Христос висел на кресте, никто не в состоянии вообразить. Поскольку мы христиане и любим Господа, мы начинаем что-то угадывать... Прекратились всякое делание, всякий труд, всякая борьба. Не было никакой возможности избежать, никакого “но”: все: и тело, и сердце, и ум — было предано пламени бесконечного, все переполняющего страдания, суду, продолжавшемуся до смерти, за вину, принятую, как своя собственная... Тогда Он достиг той глубины, из которой всемогущая любовь вызывает Новое Творение.

Из того, о чем здесь идет речь, можно, пожалуй, что-нибудь понять, когда видишь, что любимый человек ослеп, или ослабел, или запутался, или ожесточился, пытаешься извлечь его от этого и не можешь. Тогда чувствуешь, что нужно было бы охватить все его бытие, дотронуться до самого ядра, проникнуть в ту последнюю глубину, где находятся корни его бытия и где он прикасается к Ничто... Или когда смотришь на самого себя и видишь: вот что случилось; вот что я пережил; вот что я сделал и вот что упустил; таков был мой долг; здесь я оказываюсь несостоятельным, погряз в ослеплении, слабости, трусости, привычке, ожесточении. Тогда чувствуешь: я должен был бы выйти за пределы себя самого, прочь от себя, к Богу, на свободу, в святыню. Но не могу. Должна была бы появиться сила, которая бы взяла меня за самое внутреннее, са-

мое далекое и вместе с тем предельно свое, и меня перевернула бы... Вдумаемся в Христа с этой позиции. Для Него дело было в людях. Во всех людях и в каждом из них со всей его судьбой. В мире, свой окончательный смысл получающем от человека, в бытии. Все это при непроницаемом обмане, окружающем человека, живущем в нем, при его запутанности, которую невозможно распутать, при его оторванности от Бога, определяющей все его бытие, — все это Он должен был разрешить, вернуть Богу тем, что взял это на Себя, переосознал, пережил, перестрадал. Должен был, страдая, сгорая, погрузиться в ту предельную глубину, ту даль, ту сердцевину мира, где святая мощь, сотворившая мир из ничего, могла снова прорваться в мир. Там, из этого Ничто, возникло Новое Творение.

С тех пор, как Господь умер, это стало реальностью. Оттого, что есть это, все стало иным. Этим мы живем, если мы действительно живы перед Богом.

Если кто-либо спросит: есть ли в этом мире что-нибудь надежное, такое надежное, что ради него можно жить и умереть? Что на нем можно

строить все, — то ответ будет: любовь Христа... Жизнь учит нас тому, что последним и глубочайшим не могут быть люди, хотя бы и самые лучшие и дорогие, так же и не наука, не философия, не искусство, вообще ничего из того, что создается человеческими силами. И не природа, в которой столько обманчивого, не время, не судьба... Даже и не просто Бог, ибо на грех разгорелся гнев Божий, — и как могли бы мы знать без Христа, чего мы можем от Него ожидать? Только любовь Христа несомненна. Мы не можем даже сказать "любовь Божия", ибо то, что Бог нас любит, мы узнаем только через Христа. А если бы мы даже и знали это без Христа, — то и любовь бывает и безжалостной, и тем жестче, чем она благороднее. Только через Христа мы знаем, что любовь Божия — прощающая любовь. Нет, несомненно только то, что открылось на кресте: любовь, которая жива там, сила, которая наполняет это сердце. Верно то, что часто возвещается затертыми словами: сердце Иисуса Христа — начало и конец всего. А кроме того, все, что касается вечной жизни и вечной смерти, идет от Него.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" № 152 — Исключительно важны и совершенно неожиданны, в продолжении мемуаров Р. Гуля, его разоблачения, касающиеся русских масонов во Франции. Он сам констатирует, что по уставу Братства Вольных Каменщиков за такое полагается смерть; однако, небрежно бросает: "Авось, думаю, как-нибудь обойдется". У нас остается смутное беспокойство. Обойдется ли?! Дай-то Бог!

Конечно Гуль пребывал в преддверии масонства и о его подлинных тайнах мало осведомлен. Все же он перечисляет видных членов ложи "Свободная Россия", где состоял, и других масонов; главное же — рассказывает, что данная ложа была проникнута советским влиянием: позже многие из участников уехали в СССР; а некоторые, как выяснилось, являлись и изначально большевистскими агентами. Гуль потому именно и ушел из масонства (в годы после второй мировой), что там наметился неприемлемый ему сдвиг в сторону советофильства.

Занятен и приводимый тут исторический список русских масонов. О масонстве Пушкина наивно было бы говорить всерьез: он записался со скуки в ложу в Кишиневе, из любопытства, если не из дурачества; и это в его жизни никакой роли не сыграло. А вот имена Бенкендорфа и Дуббельта насторажива-

ют: такие два дяди уж наверное в тайное общество вступили не из баловства!

В отрывке из романа, Р. Палий рисует нам скитания по горам и долам группы власовцев после разгрома Германии и их возбужденные споры между собою на тему "Что делать?", весьма в тот момент трагическую. Как вспомнишь... Страшные были времена, и гибель сторожила на каждом шагу. На одного из нас, уцелевших, — десятки, нет, сотни тех, кого уже нет, или изведавших предельные ужасы Гулага...

Не лишены очарования воспоминания В. Кудрявцева о баснословных годах спокойной жизни в Прибалтике между двумя войнами и о его тогдашней дружбе с писателем Л. Зуровым.

Рассуждения Ю. Иваска о Цветаевой выявляют его постоянные свойства: пошлость, дурной вкус и неприятную произвольность заключений. Приводя несколько на 100% монархических (и белогвардейских) высказываний поэтессы (а сколько бы можно прибавить и других еще!), он авторитетно изрекает: "Никак нельзя назвать Марину Цветаеву монархисткой". Это почему же?! Потому что "не следует называть лопатой лопату"? Или, вдруг, "Перекоп" и "Лебединый стан" объявляются им **неудачными** и **вялыми** (!). Надо вчистую не иметь слуха, чтобы подобное брякнуть!

Из переписки Бунина с Алдановым, этот последний предстает в очень привлекательном свете: в его письмах колеблющемуся и мечущемуся в тот момент Бунину чувствуются одновременно широкая терпимость и бескомпромиссный антикоммунизм. Менее симпатичны высказывания самого Бунина; но выделим в них меткие характеристики различных писателей, как например Лескова.

"КОНТИНЕНТ" № 37. Номер пустышка, каких еще не было, который, ничего не теряя, можно и не читать. Сплошь бесталанные рассказы и стихи уместно бы окрестить, заимствуя словосочетание у Г. Покрасса, **литературной поденщиной**. Не то, чтобы лучше остальных, но менее плохи, чем остальное, — очерки Б. Парамонова о Юнге и Ю. Мальцева о Бунине.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ". Одним из главных сотрудников газеты является Н. А. Тэффи, поставляющая по рассказу чуть не для каждого номера. Как любит выражаться руководительница кулинарного отдела того же печатного органа, носящая игривое имя **Колобок**: "И дешево, и сердито!". Надо полагать, гонорары давно покойной Надежде Александровне платить не нужно, и никаких претензий она не заявляет. Не лучше ли иметь мертвых сотрудников, чем живых? Впрочем, имя **живых** как-то мало и подходит к производителям маку... pardon, литературы, подвигающимся ныне в русском Париже. Тэффи была, к сожалению, неразборчива политически (вплоть до участия в "Советских Новостях"). Но уж верно ее бы покорило очутиться в столь серой культурной компании, как теперь. Не станем сравнивать с довоенными традициями; но взять ту же "Русскую Мысль" дошаховского периода, — какая разница!

Заметна необразованность: **вирджинский** вместо **виргинский** (по-русски в интеллигентном кругу всегда писали и произносили: **виргинский табак, Западная Виргиния**). Что же до вполне нерусских и неправильных начертаний типа **Ефремовска** вместо **Ефремовская**, остается предположить, что у газеты нет не только грамотных сотрудников, но даже и грамотного корректора.

Удивляет свою беспощадностью и безапелляционностью суд Ю. Кублановского над подсоветским поэтом И. Сельвинским (за то, что он "когда Мандельштам попросил у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля"; но ведь мы не знаем, сколько Мандельштам просил, и сколько у Сельвинского с собою было); он его называет **трупом вдвойне**. Но Сельвинский был поэт и писатель далеко не бездарный, а по взглядам не слишком и преданный большевизму; что ему приходилось приспособляться, — так кому же не приходилось, в период **культы личности**?

"Русская Мысль" горячо борется против

объединения Ирландии. Так и чудится: после ухода (который не за горами) с территории Зеленого Острова последнего английского солдата, она единолично будет продолжать битву! Ничто ее не останавливает: правда, факты, — меньше всего! Вот ее сотрудник В. Вальдемар восклицает: "Английское правительство не может отдать миллион своих граждан на растерзание ирландским террористам"! А речь-то идет всего лишь об их подчинении государству Эйре. Можете ли вы, г-н Вальдемар, мне привести примеры преследования в Эйре протестантов? Сейчас, за последние 10 — 15 лет, или хотя с момента отделения Ирландии? Ну а я, коли желаете, легко вам назову книги (включая — написанные англичанами!) с перечислением страшных, кровавых злодеяний англичан над ирландцами, от коих у всякого человека, имеющего душу, волосы дыбом встанут. О гонении же на протестантов в свободной Ирландии, это вы оставьте; знаете ли вы, что многие протестанты отдали жизнь за свободу Ирландии, которая благоговейно чтит их память? Слышали вы имена Вольфа Тона, Роберта Эммета?

Вы осторожно молчите о том, кто суть протестанты Ольстера: потомки колонистов из Англии и из южной Шотландии, которым дали отобранную у местных жителей землю и непомерные, несправедливые привилегии. Однако, им явно ничего не грозит; Эйре проявило и проявляет максимальную религиозную терпимость. Да и они могли бы уехать, куда пожелают. Сохранение же в их руках четверти острова, самой богатой и самой промышленно развитой, всей своею историей спаянной с остальной Ирландией, есть экономический и политический нонсенс, невыгодный даже и английской метрополии. Пока эта абсурдная нелепость длится, будет литься кровь. Дипломатические (легко понятные) отказы правительства Эйре от Ольстера (от коих так ликует г-н Вальдемар!) суть пустые слова, не соответствующие ничуть воле нации. Ирландия настолько же не в состоянии отречься от Ольстера, как Франция никогда не могла отказаться от Эльзас-Лотарингии, и как федеральная Германия — отказаться от надежды на присоединение к ней со временем поработанной советами Германии восточной.

Высказав свое убеждение, в согласии с законами человечности и справедливости, зададим себе не без недоумения вопрос: что составляет парижскую газету столь упорно защищать явно кривое дело северно-ирландских оранжистов? Что за вред сделали России ирландцы, чем заслужили ненависть франко-русского еженедельника, и за что мы должны с ними воевать? Если бы еще мы были протестантами; а ведь, слава Богу, русские — народ православный!

Воспоминания А. Витте заслуживали бы

подзаголовок "Литературные брызжания". Они вполне кстати посвящены З. Шаховской; ибо по духу ей родственны.

Л. Друскин умильно воспекает в стихах Н. Горбаневскую:

Кукушка хвалит петуха.

"КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА" №№ 32 и 33.

Первый из них посвящен целиком Кадетскому Съезду в Лос Анжелосе с 1-го по 6 августа 1982 г., при 330 участниках; причем: "Программа была полноценна, и докладами, и экскурсиями, и концертными выступлениями". Жаль, однако, что вместо традиционной формы **Лос Анжелос**, журнал печатает **Лос Анжелес**. В погоне за фонетической точностью? Так, следуя английскому произношению, надо бы **Лос Анджелес**, а если испанскому (что было бы и резоннее), то **Лос Анхелес**. Хорошо зато, что Венецуэла пишется через ц, а не через с! Название ее означает, собственно, "маленькая Венеция" (конквистадоры там наткнулись на деревни, пересеченные ручьями и каналами).

Во втором же привлекает внимание обстоятельная статья К. Перепеловского об отношениях между Пилсудским и Белым Движением. Автор разбирает превосходную книгу И. Мацкевича "Lewa wolna". Но, как ни странно, он ее, видимо, не читал, а основывается на отзывах о ней в польской и русской прессе! Судит он, все же, в общем правильно, хотя и не всегда. В частности, зря он упрекает Мацкевича, что тот не учел социалистические воззрения польского маршала: об этом у того довольно много говорится.

В репортаже о посещении Москвы, В. Бодиско высказывает мнение, что туристические путешествия почти не допускают общения с населением; участие в научных съездах дает в этом отношении куда больше. Однако и он, приехав на конгресс по молочному скотоводству, вел разговоры с подходившими к нему "молодыми мужчинами, несомненно принадлежавшими к привилегированному классу, весьма возможно — с членами партии". Тогда как: "Ни с пожилыми, ни с женщинами таких разговоров не было". Отчего, вероятно, у него и создалось довольно пессимистическое представление о настроениях в СССР. Между тем, его же случайные беседы с шоферами такси наводят на совсем иные заключения... Отметим еще, что Бодиско скептически относится ко книге П. Краснова "За чертополохом", а можно бы скорее поражаться ее пророческому характеру!

Из очерка П. Пагануцци о сербском патриархе Варнаве выпишем слова покойного святого о России:

"Плачет русский народ о детях своих, как плакала древняя Рахиль, и не хочет утешиться, ибо нет их. Но мы убеждены, что русский народ, искушенный как золото в горниле, вновь воссияет обновленным блеском и снова будет

для всех источником чистого Христова света".

Обсуждая тему "Что делать?", С. Третьяков высказывает кое-какие верные соображения, но кончает мало разумным призывом к непредрешенчеству. Трезвее было бы предлагать различным группировкам развивать каждой свою идеологию, при готовности объединяться в нужных случаях против большевиков.

Историческая заметка Б. Павлова о Шамиле в плену интересна по данным; но степень их достоверности вызывает некоторые сомнения. Например, стихотворение Пушкина "Город пышный, город бедный" считается всегда адресованным Анне Олениной, а не ее племяннице Елизавете Олениной.

"ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОЛСТОВСКОГО ФОНДА" № 3 посвящен И. С. Тургеневу и занят, главным образом, обстоятельным этюдом И. Бушман "По обе стороны границы", содержащим удивительно много интересных мыслей и оценок. Хотя она и говорит: "В рамках небольшой статьи нет возможности сделать обзор... всего творчества Тургенева", но блестяще справляется с этой трудной задачей.

"НАША СТРАНА". Изумляет написание **Марроко** вместо **Марокко**. Положим, по-испански-то данное государство именуется, действительно, **Marruecos**. Но ведь это не резон!

"ЧАСОВОЙ" № 645. Журнал справляет довольно-таки причудливые юбилеи. Петербург, бесспорно, — столица Империи и город огромного значения. Но 280 лет с основания — цифра чересчур неровная; иное бы дело 200 или 300. Севастополь же празднует 200-летие; но мало ли таких городов в России? Более бы уж пристало о нем вспомнить в связи с какой-либо годовщиной Крымской Войны.

Из "Мыслей белогвардейца", согласимся со следующей: "Главное несчастье Запада — почти полное отсутствие решительных, волевых и прозорливых правителей". Занятно, почему же демократия дает такие результаты? Но не станем в сей вопрос углубляться.

А. Николаев предлагает нам небезинтересный разбор произведений двух подсоветских писателей, Ф. Абрамова и Н. Мельникова.

Н. Нефедов, в пространной статье с соответствующе длинным и названием, "О чем поют местечковые соловьи", продолжает, неубедительными и некорректными приемами, спор, уже давно им затеянный в "Нашей Стране", где В. Р. процитировал, в порядке обозрения печати, сведения, сообщаемые В. Литвиновым о Махно. А именно, что у того в войсках имелась особая еврейская рота и что он сурово карал за проявления антисемитизма. Казалось бы, ежели Литвинов ошибается (что мало вероятно) или врет (зачем бы?), то и следовало бы Нефедову оное на фактах показать, выявив, что не было ни такой роты, ни таких приказов и пр. Вместо того, он полемизирует

не с Литвиновым, а с В. Р., все время оперируя выражениями вроде **местечковый журналист** и т. п., приплетая к делу то Багрицкого, то Паустовского (которые ни о чем определенном не свидетельствуют). Мутный поток бездоказательной брани льется впустую, и не видно ему конца.

“ГРАНИ” №129. После очередного редакционного переворота, журнал выкарабкивается постепенно из-под глыб заваливших его было историко-архивных материалов. Правда, непомерно много места занято еще скучноватыми воспоминаниями Н. Савича (неужели будет еще и продолжение?...). Воспоминания А. Столыпина, те, по крайности, короткие, да и более живые. К историческим же материалам подобает отнести и рецензию Н. Росса на книгу М. Бернштама “Народное сопротивление коммунизму в России” (Париж, 1982), книгу, видимо, первоклассную и высокой ценности.

Литературный отдел пока что представлен слабо (по количеству, не по качеству!), стихами И. Ратушинской и Р. Вогака. Ратушинская, несомненно, одна из самых талантливых поэтесс в СССР нашего времени (где женщины сейчас пишут почему-то лучше мужчин). Сюжеты большинства данных тут ее стихотворений — некоторая параллель “Архипелагу Гулаг”, увиденному женскими глазами и в рифмах. За их душераздирающей, хотя и не форсированной музыкой все технические детали оркестровки становятся неощутимы. Стихи Вогака, тоже вполне грамотные и правильные, теряют от такого соседства, хотя и у него, бесспорно, талант есть.

Литературоведческие комментарии М. Шнерсон к роману Солженицына “В круге первом” сделаны превосходно; на подобном уровне о Солженицыне еще никто не писал; и можно порадоваться, что он нашел себе одаренную, умелую и созвучную ему очевидно по духу исследовательницу его творчества (а будем надеяться, что это — лишь первые шаги в ее работе в данной сфере). Отметим, однако, что для понимания статьи читателю необходимо хорошо знать роман в двух его версиях, сокращенной и полной.

Особого внимания заслуживает большая статья В. Бондаренко “О послебольшевистской России”. Признаемся, даже и не ждали встретить в “Гранях” такие мысли, умные и честные, вызывающие полное согласие и одобрение (вероятно, не только у нас, а и у огромной массы эмигрантской публики)! Почти под каждым параграфом хочется подписаться (а как редко теперь испытываешь подобное чувство!); почти все положения можно принять в качестве программы, подходящей любой патриотически и антикоммунистически настроенной группировке российского Зарубежья.

Прочитываем лишь первую фразу, рекомендуя каждому прочесть работу целиком: “Навязанный России шесть с половиной десятилетий тому назад тоталитарный большевистский строй показал себя полностью неспособным к какой-либо положительной эволюции”.

О чем все же нам кажется нужным оговориться, это о чрезмерных надеждах автора на благоразумие и даже на порядочность Запада. Верно и самоочевидно, что в интересах свободного мира было бы вести ту политику, о коей тут речь, то есть поддерживать русский народ в его борьбе с советчиной. Но... что мы видим на деле? Запад, в лице Германии, вел антирусскую линию, себе же на гибель (настолько, что под конец, — да слишком поздно! — все немцы, включая и Гитлера, начали понимать необходимость вести иную). И, тем не менее, Америка, когда стала бороться (впрочем, только в сфере пропаганды) с большевизмом, то сделала вновь ставку на расчленение России!

Нет, на Запад плоха надежда; вернее, на его нынешних возглавителей (разве что сменяются?). Молчаливое-то большинство умнее; да бессильно. Еще И. Солоневич отмечал, что померанские крестьяне лучше разбирались в проблемах войны с Россией, чем тогдашние руководители Германии.

Длинная рецензия Д. Поспеловского на английскую книгу М. Фешбаха посвящена выдуманной, несуществующей проблеме, первоначально пущенной в оборот неумным Д. Дэнлопом в “Русском Возрождении”. Просто стыдно читать фразы вроде следующей: “На сегодняшний день рано возлагать надежды на сокращение демографического взрыва среди советских мусульман”. Автор нас, вслед за Фешбахом, страшает (вот уж подлинно: пугает, а нам не страшно!), что в 2040 г. “мусульманского населения в СССР станет столько же, сколько и славянского”.

Ничего, абсолютно, плохого не будет, если так и произойдет (а все это — дело более, чем сомнительное). Все народы России имеют право на существование и развитие, и мы им всем желаем плодиться и размножаться! Упадок рождаемости у русских вызван гнусной советской системой, которая на них хуже всего давит, и их потерями в людях, по вине той же системы. Если азиатская часть СССР лучше сумела сопротивляться, то надо с нее брать пример.

Безусловно, сваливание **мусульман** в один котел, при смешении рас и народностей (многие турки, как чуваш и якуты, издавна христиане; есть народы, как осетины, наполовину мусульмане и наполовину христиане; у черкесов и таджиков, скажем, — культура и история вовсе разные) создает сплошную путаницу.

Единственный вывод, какой можно изо

всех таких проблематических подсчетов сделать, это тот, что народности, лучше сохранившие свои традиции и, главное, свою веру, — жизнеспособнее и биологически устойчивее тех, у кого основы расшатаны (но не обязательно — навсегда!)

О судьбах же России полагаем, что она есть Евразия, и законно, что в ее культуре присутствует азиатский элемент. А уж угроза какой-то **мусульманизации** славян, она и вовсе

из пальца высосана: нигде ее покамест не наблюдается, никто ее не пропагандирует, да и трудно было бы ее себе вообразить.

Зато нам совсем не трудно себе представить такую Россию, где все исконные верования будут мирно жить бок о бок и где различные культуры будут процветать в рамках единого государства, в значительной мере друг друга обогащая; что, отчасти, уже и происходило в царское время.

В прошлом "Обзоре" много досадных опечаток, расположенных, в первую очередь, двумя компактными группами: там, где я разбираю "Русскую Мысль", и в конце, где я перечисляю поправки к предшествующему номеру (вот и поправляй!...).

В первом из указанных разделов набрано, помимо прочих ошибок, **всего органа**, вместо **сего**, и **филлипинский** (!), вместо **филиппинский**. Касательно же второго, отмечу следующее. У Пушкина стоит, конечно, "Без божест-

ва, без вдохновенья"; и иначе быть не может, по требованиям размера. Нельзя тут поставить ни **вдохновения**, ни **вдохновения**. Выдающийся военачальник Скобелев носил прозвище **Белый Генерал**, которое надлежит всегда писать с больших букв; равно как, например, прозвище Катона — Отец Отечества, или Мара-та — Друг Народа. Если же называть его **белым генералом**, то получается, будто он участвовал в Белом Движении! Он бы, верно, и участвовал, кабы дожил; но умер задолго до того.

ПЕСНЯ СВОБОДЫ

*Вставай, народ, весь превращенный
В коммунистических рабов!
Довольно лжи непревзойденной,
Гор обещаний, громких слов!*

*Не хлебом живы мы единым.
Дороже воля нам хлебов,
Испеченных комгосподином, —
Мы сыты будущим незримым,
Обещанным для дураков.*

*Нам "коллективный разум" кучки
Объявлен божеством, когда
Привел он мир к атомной круче,
Крича о мире без стыда.*

*Довольно лжи! Одна свобода,
Действительная и — для всех,
Объединит земли народы
И — той страны, что впала в грех*

*Безбожья, лжи и дикой спеси
С убогой рядом нищетой.
Дрожите ж, деспоты и бесы,
Свобода вас зовет на бой!*

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Глубокоуважаемый редактор!

К "Обзору Зарубежной Печати" г. Рудинского и сведениям редакторов журнала "Борьба", а главным образом для сведения читателей, приведу справку о выдающемся русском человеке, герое Власовского Движения Николае Сергеевиче Давиденкове.

Николай Сергеевич Давиденков действительно был выдан союзниками властям СССР. Расстрелян он не был. Он сидел в советских лагерях истребления. По моим сведениям, он на свободу не вышел — умер в лагерях.

Н. С. Давиденков — сын выдающегося хирурга-невропатолога Сергея Николаевича Давиденкова. Брат хирурга Николай Николаевич был выдающимся ученым и профессором Петроградского политехнического института. В семье Давиденовых были и другие известные люди.

Примите уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Б. Бровцын.

Глубокоуважаемый редактор "Голоса Зарубежья"!

На продолжение подписки на Ваш журнал на 1984 г. посылаю 25 долларов.

С Новым 1984-м Годом! Всего наилучшего желаю я и читатели нашей библиотеки редакции нашего любимого журнала. Среди этих читателей есть энтузиасты "Голоса Зарубежья", и они повторяют мне много раз, что "Голос Зарубежья" — самый интересный из всех издаваемых теперь журналов.

Заведующая русской библиотекой

З. Шаповская

Марсиль, Канада.

От редакции: *Мы благодарим всех наших подписчиков, которые на 1984 год прислали немного больше, чем стоит подписка. Почти каждый подписчик или подписчица прислали 25, 30 или даже 50 долларов. То, что сверх подписки (20 долл.), предназначается в фонд журнала. Мы еще раз от души благодарим всех этих подписчиков, зная, что большинство из них небогаты, так что тем ценнее каждые 5 или 10 долларов. А для нас тоже каждый доллар важен, т. к. журнал издается на минимальные средства, и все мы работаем для него без вознаграждения.*

Мы просим не смущаться тех подписчиков, которые не смогли доложить даже одного доллара т. к. знаем, что большей частью они с трудом отрывают от себя подписную сумму. И еще раз благодарим всех тех, кто смог прислать дополнительные деньги.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
 Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
 Банковский счет: Hypotheken - und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

ДОРА ШТУРМАН
"О РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, ТЫ УЖЕ ЗА ХОЛМОМ"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЭРМИТАЖ"

160 стр. Цена 8.00\$

Новая книга Д. Штурман объединяет ее статьи, посвященные проблемам сегодняшней — и завтрашней — России. Почти каждая статья построена в виде развернутого комментария или критического анализа книг тех авторов, мнения которых вызывают сейчас наиболее горячую полемику: Солженицына, Сахарова, Синявского, Зиновьева, Чалидзе, Хедрика Смита, Буковского, Померанца и др.

Hermitage — Publishers of New Russian Books
2269 Shadowood, Ann Arbor MI 48104, USA. Tel (313) 971-2968

• • • • •

ТРИ ЮБИЛЕЯ АНДРЕЯ СЕДЫХ
Альманах с участием выдающихся писателей, поэтов и публицистов

Цена книги с пересылкой 11 долларов

Весь доход поступает в пользу Литфонда.

Чеки высылать по адресу:

LITFOND c/o Novoye Russkoye Slovo
8 Ave New-York, N.Y. 10001, USA

• • • • •

ЮЗЕФ МАЦКЕВИЧ
ПОБЕДА ПРОВОКАЦИИ

Перевод с польского
Галины и Сергея Крыжицких

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"
Лондон, Канада
1982

